

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1 ОКТЯБРЯ.

№ 19

1909 ГОДА.

Алексеѣй Васильевичъ Кольцовъ,

какъ выразитель коренныхъ воззрѣній русскаго народа на
важнѣйшіе предметы жизни.

(По случаю 100-лѣтія со дня рожденія 3-го Октября 1809—3 ок-
тября 1909 г.г.).

А. В. Кольцовъ— „поэтъ самоучка, поэтъ-прасоль“—
былъ натурою замѣчательною во многихъ отношеніяхъ.
Если мы прочитаемъ всѣ его стихотворенія и письма, то
увидимъ, что жизнь поэта прошла въ борьбѣ съ непри-
глядною дѣйствительностью, которая безжалостно только
дравнила его. „Проживши за 30, немного видѣлъ я свѣт-
лыхъ дней, пишетъ Кольцовъ В. Г. Бѣлинскому, а не
погожихъ цѣлые годы...“

Подлость отца, моя ошибка, погибшій десятилѣтній
трудъ, разрушенныя надежды, безденежье— и въ нихъ
крайняя необходимость“¹⁾. Не получивъ почти никакого
образованія (если не считать 4-хъ мѣсячн. пребыванія

---

¹⁾ Пис. 57. Цитаты приводятся нами изъ «Стихотвор. и письма А. В.
Кольцова. Полное собр. подъ ред. Ар. Ив. Введенскаго. Изд. Маркса СЛБ.
1901 года».

во 2 классѣ уѣзднаго училища, изъ котораго поэтъ былъ взятъ отцомъ помогать въ торговыхъ дѣлахъ) и соединенаго съ нимъ обширнаго круга идей, Кольцовъ съ самаго дѣтства и до конца жизни принужденъ былъ находить источникъ своихъ вдохновеній почти исключительно въ самомъ себѣ и окружающей природѣ и жизни. Больше всего на свѣтѣ поэтъ любилъ искусство и науку ¹⁾, всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы ему постоянно вращаться къ ругу мыслящихъ и образованныхъ людей—этихъ „избранныхъ жрецовъ для священнодѣйствія у алтаря высокаго искусства“ ²⁾. Но съ первымъ онъ не имѣлъ возможности ознакомиться настолько, чтобы они питали его душу, развивали умъ и вырабатывали соответствующія убѣжденія; а съ учеными людьми горемыка—поэтъ видѣлся очень рѣдко и не долго и притомъ только тогда, когда по дѣламъ отца приходилось ему побывать въ Москвѣ и Петербургѣ и пробыть долгое время въ обѣихъ столицахъ ³⁾. Здѣсь поэтъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ Воронежской и степной жизни. Возвращаясь домой, онъ встрѣчалъ не ласку, не привѣтъ, а грубое невѣжество, которое никакъ не могло простить ему того, что онъ хочетъ быть человекомъ. „Съ людьми, съ которыми живу, никакъ не сойдуся; они требуютъ, чего нельзя имъ дать; чего хочу,—у нихъ нѣтъ. И время отъ времени я съ ними все дальше и дальше расхожусь. Боже мой, до какой степени я съ ними не въ ладу! Этотъ слой народа низокъ, гадокъ, пошлъ до несказанной степени,—а выйти изъ него ни дороги, ни силъ нѣтъ“ ⁴⁾.

---

1) Пис. 45, 13, 17.

2) Пис. 10, 19, 21, 24, 26, 27, 30, 31.

3) Пис. 31, 21; 19; 1 и 2.

4) Пис. 38.

Та коммерческая дѣятельность, которой по-неволѣ предавался всю жизнь, не только не могла вести его къ успѣхамъ, но своими неудачами и часто даже жестокими ударами постоянно раздражала его. „Въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, да не то.

Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча; что день—то горе, что шагъ—то напасть“ ¹⁾. Простая, обычная натура, встрѣчая такое противорѣчіе между своими стремленіями и дѣятельностью, сейчасъ же пала бы духомъ и, вслѣдствіе быстраго изнеможенія силъ, почувствовала бы отвращеніе отъ дѣятельности вообще. Да и какъ можно требовать отъ обыкновеннаго человѣка, чтобы онъ не лѣнился, когда жизненные обстоятельства вмѣсто того, чтобы развивать силы въ извѣстномъ направленіи, ведутъ не къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, а къ изнеможенію путемъ вѣносившаго труда, большею частію ненормальнаго и вынужденнаго. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ обыкновенныхъ, маложизненныхъ людяхъ чаще всего замѣчается и отвращеніе отъ труда вообще, и апатичный взглядъ на жизнь и даже безвыходное отчаяніе. Совсѣмъ другое мы видимъ въ натурѣ, одаренной многоразличными потребностями.

Въ этой послѣдней такъ много сочувствія къ жизни, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, такъ много гибкости и разнообразія въ наслажденіяхъ, что она можетъ выдержать самый отдаленный, самый окольный путь къ завѣтной мечтѣ своихъ стремленій ²⁾. Въ этихъ разсужденіяхъ ву-

---

¹⁾ Пис. 26, 14; 28; 32 и 34.

²⁾ В. Майковъ. Критическіе опыты (1845—1847). Изд. жур. «Пантеонъ Литерат. СПБ., 1889, стр. 52.

жно искать объясненія, почему огромный талантъ всегда выходитъ на свою дорогу, несмотря ни на какія препятствія, тогда какъ посредственный часто спотыкается о первыя преграды, нерѣдко глохнетъ и даже совсѣмъ исчезаетъ. Исторія жизни поэта — самоучки вполнѣ подтверждаетъ эту психологическую истину. „Прасоль, верхомъ на лошади гоняющій скоть съ одного поля на другое, по колѣни въ крови присутствующій при рѣзаніи, или, лучше сказать, при бойнѣ скота; приказчикъ, стоящій на базарѣ у воровъ съ саломъ и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутреннихъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимыхъ и скорбями растерзаннаго сердца и умственными сомнѣніями, и въ то же время, дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смысловый и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ, покупаетъ, бранится и дружится Богъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ копейки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, которыхъ внутренно отвращается, какъ мерзости: какая картина, какая судьба, какой человѣкъ“! ¹⁾...—Эти немногія черточки создаютъ цѣльный и опредѣленный образъ писателя. Здѣсь почти всѣ элементы народнаго творчества Кольцова: степь, поля, лѣсъ, казацкая удаль, деревенскія красавицы, бойкій умъ съ оттѣвкомъ скрытаго лукавства. Замкнутый, скрытный и подъ часъ угрюмый, Кольцовъ раскрывался и весь распахивался, когда природа или живое слово человѣка задѣвали его душу сколько-нибудь чувствительно. Въ это время некрасивое, изжѣлта блѣдное лицо, съ выраженіемъ флегматичности и сосредоточенности,

---

¹⁾ В Гр. Бѣлинскій: Біогр. очеркъ А. В. Кольцова въ Христом. Покровскаго, стр. 8-я.

мгновенно преображалось и становилось привлекательнымъ. Большіе и выразительные глаза, въ которыхъ обыкновенно свѣтились хитрость и лукавство, озарялись какимъ-то особеннымъ поэтическимъ блескомъ. Гнетущая тоска, разгоняемая голосами деревенскаго веселья, тяжесть неволи, быстрая рѣшимость тряхнуть молодецкими кудрями и пролетѣть необъятныя пространства, чтобы успокоить на чужой сторонѣ расходившееся чувство,—все это лежало въ самой натурѣ поэта и въ условіяхъ характернаго и своеобразнаго быта, который Кольцовъ воспѣлъ въ такихъ звонкихъ художественныхъ стихахъ. Возвышенная природа наполняетъ душу какими-то волшебными тѣнями и воспитываетъ возвышенныя представленія. Степь, поля, лѣса своимъ величіемъ будятъ въ чуткомъ человѣкѣ какую-то религіозную тревогу, широкій нравственный пррывъ, трепетное желаніе правды и воли. Здѣсь начало зарожденія высокихъ думъ и стремленій, а также того опредѣленнаго взгляда на челоѵческое предназначеніе, которое кладется нами въ основу жизни. Вездѣ изображеніе природы у Кольцова подчиняется челоѵческому настроенію и впечатлѣнію отъ нея находится въ прямой зависимости отъ внутреннихъ настроеній самого поэта. И это не есть ничто случайное. Это проявленіе міросозерцанія въ глубинѣ своей проникнуто религіознымъ чувствомъ. А это послѣднее было въ натурѣ Кольцова, было естественнымъ свойствомъ его характера, его всегда глубокихъ чувствъ, его непреходящей тоски по идеалу. Поэтъ—простолюдинъ, поэтъ—пастухъ не могъ быть невѣрующимъ челоѵкомъ, поѵтомъ отрицанія и сомнѣнія. „Звѣздное небо, торжественная тишина стелей, нерукотворныя колоннады лѣсныхъ храмовъ,—не воспитываютъ атеистовъ, точно такъ же, какъ не воспитываетъ ихъ трудовая жизнь деревенскаго люда,

среди вѣчно неизмѣнныхъ законовъ міровданія главъ-на-главъ съ дождемъ и молнією, урожаемъ и засухой, съ Божією милостью и Божіимъ наказаніемъ“¹⁾. Натура чуткая и отзывчивая, поэтъ не могъ жить съ неравнѣнными вопросами въ умѣ и во чтобы то ни стало старался добыть себѣ хотя какой-нибудь отвѣтъ на задачи, отъ которыхъ изнывалъ и таялъ. Его „думы“, въ которыхъ Кольцовъ обнаружилъ исключительную глубину натуры и тонкость философскаго чутья, не теоретическія соображенія, а выраженіе непосредственнаго человѣческаго чувства, плодъ живого соприкосновенія съ тою тайною, которою окутанъ весь міръ²⁾. Это ощущеніе Божества—искреннее, правдивое, неизбежное въ человѣкѣ съ его поэтической организаціею, въ человѣкѣ, воспитавшемся на вольномъ просторѣ степей и полей. Для Кольцова—весь міръ есть тайна Бога, и вся природа заключена въ душѣ человѣка. Повелѣніемъ Бога вызваны были къ бытію изъ ничего „свѣтъ и ночь“³⁾. Трїединный Богъ, совмѣщающій въ себѣ вѣчность, силу и жизнь, все призвалъ къ жизни⁴⁾. Хаотическая и без-

¹⁾ Е. Л. Марковъ. «Значеніе поэзіи А. В. Кольцова. (Филологич. Записки 1892 г., вып. V, стр. 12-я).

²⁾ Примѣч. Кольцовъ, вслѣдствіе внѣшней невозможности рѣшить сокрушавшіе его вопросы обыкновеннымъ путемъ логики, долженъ былъ пробѣгать къ мистицизму и находить таинственный смыслъ во всѣхъ, даже самыхъ простыхъ вещахъ. Такъ, на примѣръ, шумъ лѣса наводилъ поэта на нѣкоторыя размышленія, не скрывается-ли въ его бездушномъ и холодномъ царствѣ какая-либо живая мысль. Поэтъ требуетъ коня, на которомъ съ быстротою сокола мчится по лѣсу, но вездѣ «глубокій сонъ, шумъ вѣтра, и дикая краса угрюмо спитъ». Живыя тѣни—прежніе обитатели этихъ лѣсовъ—ночью появляются изъ глубины его и наводятъ на людей страхъ. Съ наступленіемъ дня онѣ исчезаютъ и «лишь на вершинахъ одинъ туманъ, да въ темной грусти ночь безразсвѣтная лежитъ». Какая-то тайна въ дикомъ лѣсу насъ зоветъ туда безотчетно, въ забвеніе погружаетъ нашу душу и рождаетъ въ ней новыя мысли. См. стихотв. «Лѣсъ», стр. 93. 94, отд. «Думы».

³⁾ Великое Слово.

⁴⁾ Божій міръ.

форменная масса могучею силою была превращена въ чудный міръ ¹⁾). Солнце, образъ Божій, съ поднебесной высоты, какъ бы съ какого-то величественнаго трона, освѣщаетъ всю вселенную, ежедневно провѣряя все находящееся на землѣ ²⁾). Мѣсяць—солнечное отраженіе—является съ другимъ назначеніемъ свѣтитъ всю ночь и сторожить все окутанное тьмою ³⁾). А эта послѣдняя представляется воображенію поэта благословляющею всѣ стихіи міра, покоющіяся на лонѣ ночи среди живой и пріятной прохлады ⁴⁾). Видимая природа ежедневно производитъ одни и тѣже явленія, подчиняя все извѣстнымъ законамъ.

„Тучи носятъ воду,
Вода поить землю,
Земля плодъ приноситъ,
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ ⁵⁾).

Изъ рукъ Творца всѣ явленія міра вышли прекрасными, но человѣкъ-внѣць творенія превосходитъ своею красотою всѣхъ живущихъ на землѣ и по-справедливости можетъ быть названъ царемъ природы ⁶⁾). Въ различные времена, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, человѣкъ переживаетъ неодинаковыя настроенія; ненависть къ себѣ часто соединяетъ съ такою любовью, что готовъ на самопожертвованіе, лишь бы продлить „мигъ жизни“ ⁷⁾).

Отъ человѣка зависитъ направить свою волю въ

---

¹⁾ Великое слово.

²⁾ Божій міръ.

³⁾ *ibid*, стр. 80-я.

⁴⁾ *ibid*.

⁵⁾ Великая тайна.

⁶⁾ Человѣкъ. стр. 82.

⁷⁾ *ibid*

сторону добра или зла. Если онъ дастъ своимъ желаніямъ неограниченную свободу, не сдерживаемую никакими законами, то „земля можетъ обогреться кровью“ и преступленія сдѣлаются постоянными ¹⁾. Но съ переменною настроеній измѣнится характеръ дѣятельности человѣка: прирожденный умъ, озаренный къ тому-же Божественнымъ свѣтомъ, бываетъ способенъ на величайшія открытія и геніальныя изобрѣтенія, поражающія весь міръ своимъ величіемъ и красотою ²⁾.

Первое проявленіе воли въ человѣкѣ поэтъ называетъ „жизнью земного праха“. Она темна; въ глазахъ ея—грусть, молчаніе и ночь. Эта жизнь спитъ крѣпкимъ, но мятежнымъ сномъ и обладаетъ, хотя и цвѣтистою рѣчью, но звучитъ несвободно. Кратковременность ея равна блеску падучей звѣзды ³⁾. Второе проявленіе воли въ человѣкѣ называется „жизнью земного духа“. Она свѣтла на подобіе солнца, преисполнена святыми мыслями и чувствами и обладаетъ свободною и разумною рѣчью. Продолжительность ея равна Божіей вѣчности ⁴⁾. Человѣческой умъ, такимъ образомъ,—великая сила ⁵⁾. Даже, „Что не дано намъ понимать,— Мы все какъ будто понимаемъ“ ⁶⁾.

Дошло дѣло до того, что людямъ ничего не стоитъ сказать: „вотъ тайна міровая“ ⁷⁾. Съ цѣлью проникнуть въ эти тайны міроздавія человѣкъ всю жизнь („до сѣдинъ“) посвящаетъ основательному изученію чудесъ природы, считая ихъ дѣломъ священной мудрости ⁸⁾.

1) *ibid*

2) *ibid.*

3) Днѣ жизни

4) *ibid.*

5) Жизнь.

6) *ibid.*

7) *ibid.*

8) Неразгаданная истина

Старыя отжившія эпохи, полныя великихъ міровыхъ событій, онъ, въ цѣляхъ критической провѣрки, сравниваетъ съ новыми ¹⁾. Къ явленіямъ природы, которыя превышали обычный уровень человѣческихъ познаній, примѣнялся точный, основанный на опытѣ, способъ математическаго измѣренія ²⁾. Въ результатѣ получалось, что какая-нибудь незначительная причина играла огромную роль въ судьбѣ людей, и одинъ человѣкъ, пользуясь неограниченною властью, распоряжался судьбами царствъ и народовъ ³⁾. На всемъ протяженіи исторіи велись частыя и непрерывныя войны, и людская кровь орошала „райскія долины“.

Свобода, свобода!
Гдѣ-жъ рай твой весёлый?
Слѣды твои страшны,
Отмѣчены кровью
На пестрой страницѣ
Широкой земли!
И лютое горе
Её задило —
Ту дивную землю,
Безславную землю! ⁴⁾.

Гдѣ въ основу отношеній другъ къ другу были положены эгоизмъ, коварство и злоба людская, тамъ царства гибли и заростали травой ⁵⁾. Вмѣстѣ съ ними низвергались въ бездну и правители, предъ которыми трепетали и рабодѣпствовали подданные ⁶⁾. На сцену міровой жизни появлялись новыя молодые племена, засе-

---

¹⁾ *ibid.*

²⁾ *ibid.*

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ Великое слово.

⁵⁾ Неразгаданная истина.

⁶⁾ *ibid.*

лявшія пустыя пространства ¹⁾). Она клали начало уже новой общественной жизни, которая постепенно разрослась и культивировалась ²⁾). Въ душѣ человеческой стали возникать мысли, „какъ въ дали туманной небесныя звѣзды“ ³⁾). Результатомъ напряженія мысли бывали волненія страстей, ума и чувствъ ⁴⁾). Одухотворенныя чувствомъ и согрѣтыя любовью, силы превращались въ извѣстный образъ ⁵⁾). Властелинъ художникъ создавалъ прекрасную картину, великую драму и исторію царства ⁶⁾).

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ виденъ *«духъ вѣчной жизни»*, который, сознавая самъ себя, такъ или иначе проявляетъ себя въ безконечныхъ видахъ ⁷⁾). Этотъ „духъ“ въ каждомъ человѣкѣ живетъ безсознательною жизнью и можетъ сознавать свое величіе только въ предѣлахъ смерти ⁸⁾). Такимъ образомъ, творчество есть проявленіе внутренняго начала въ безконечно разнообразныхъ видахъ и въ творчествѣ вся отрада человѣка. Такъ, небесный свѣтъ (сила), являясь организующей, живительной и движущей силой, переродилъ всю атмосферу ⁹⁾). И умъ человеческій глубоко проникъ „въ тайники природы чудотворной“, взявъ одно легко, другое посредствомъ упорной силы ¹⁰⁾

„Но всё-жъ успѣхъ нашъ не великъ.

Что до преданій?—мы не знаемъ:

---

¹⁾ ibid.

²⁾ ibid.

³⁾ Поэтъ.

⁴⁾ Дума 12-я.

⁵⁾ Поэтъ.

⁶⁾ ibid.

⁷⁾ ibid.

⁸⁾ См стих. въ отд. «думы»—лѣсъ.

⁹⁾ 12-я дума.

¹⁰⁾ Жизнь, стр. 97-я.

Вперёдъ что́ будетъ?—кто проникъ?

Что мы теперь?—не разгадаемъ“¹⁾.

Все, что есть на землѣ—все это Божье и человѣчская мудрость—Божья²⁾. Человѣкъ, „рабъ пространства, невольникъ лѣтъ и времени“, не можетъ перестроить природу³⁾. Онъ не можетъ остановить солнце и вставить его не свѣтить, не можетъ воду моря сдѣлать затвердѣлымъ камнемъ и остановить шаръ вселенной, чтобы онъ не кружился⁴⁾. Воплощенный духъ и владѣтель земли, онъ, какъ ангелъ, только смотритъ на голубое небо, имѣя на своемъ свѣтломъ челѣ печать свободы⁵⁾.

„Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеніи—
Безъ желанья?
Что-жъ мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью“⁶⁾.

И поэтъ, дѣйствительно, переживаетъ тяжелыя минуты въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, *что совершится въ будущемъ съ природой и что будетъ съ человѣкомъ по смерти?*⁷⁾. Цѣлыя вѣка безвозвратно исчезли, не рѣшивъ сихъ великихъ тайнъ⁸⁾. „*Что́мъ кончилось дѣло*“,— вотъ вопросъ, который вѣчно предлагаетъ каждому

---

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Человѣч. мудр., стр. 89.

³⁾ *ibid* и Вопросъ.

⁴⁾ Человѣчск. мудр.

⁵⁾ Великое слово.

⁶⁾ Вопросъ.

⁷⁾ Великая тайна и Вопросъ.

⁸⁾ *ibid.*

новому вѣку и не получаетъ положительнаго отвѣта ¹⁾. И вотъ, мучимый бесплодными изысканіями, вѣрующій, но смѣлый умъ поэта обращается съ молитвою къ Провидѣнію — „повѣдать ограниченному человѣческому уму тайну міровдавія“ ²⁾. Но отвѣтъ и притомъ опять таки таинственный, но не ясный, и прямой, спѣшитъ дать намъ та же природа, въ которой все чудесно.

„Шлють отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя“ ³⁾...

Въ то-же время поэтъ стоитъ въ недоумѣніи предъ рѣшеніемъ другой задачи. Свѣжая, одинокая могила, на которой стоитъ тростниковый крестъ, наводитъ его на размышленіе, чья жизнь заключена въ ней? ⁴⁾ Лежатъ ли здѣсь убитый влодѣйскою рукою татарина, или въ этихъ васильковыхъ цвѣтахъ молодая жница похоронила своего ангела-ребенка? ⁵⁾. Природа равнодушно относится къ такимъ печальнымъ событіямъ и продолжаетъ сіять своею вѣчною красотою ⁶⁾. Но вѣра поэта чиста, какъ „пламя молитвы“, хотя и при такой вѣрѣ могила, скрывающая въ себѣ человѣка, все-таки представляется темною и неясною ⁷⁾.

„Что слухъ мой замѣнить?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?“

---

1) *ibid.*

2) *ibid.*

3) *ibid.*

4) Могила.

5) *ibid.*

6) *ibid.* и Вечеръ, стр. 127.

7) Молитва.

Что будетъ жизньъ духа
Безъ этого сердца?“ 1).

Замогильная жизньъ покрыта какою-то вѣчною тьмою, гдѣ отсутствуетъ человѣческая рѣчь 2). Поэтъ опять въ недоумѣніи, гдѣ онъ будетъ жить за гробомъ—въ безднѣ-ль моря, въ дальнемъ небѣ, и удержитъ ли за собою душа по смерти тѣла „смысль и память?“ 3). Неужели надеждамъ души за могилою наступитъ конецъ и всѣ истины на свѣтѣ лишь выдумка ума, а святая вѣра чувствъ—„пустая тѣнь людскихъ страстей?“ 4). Умъ и сердце поэта не хотятъ мириться съ этимъ.

„Не для того на небѣ солнце ходитъ,
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой“ 5).

Поэтъ даже хочетъ проникнуть въ загробный міръ и пытается рѣшить, удовлетворится ли тамъ, на небѣ, гордый гевій въ рѣшеніи своихъ вопросовъ послѣ безплодныхъ земныхъ изысканій въ стремленіи къ истинѣ? 6). Въ то же время онъ сѣтуетъ на то, почему живымъ не дано улетѣть душою въ загробный міръ. Вращаясь тамъ постоянно, человѣкъ могъ бы почерпнуть себѣ уроки, какъ жить на землѣ 7).

Не находя нигдѣ отвѣта на эти волнующіе его вопросы, поэтъ приходитъ къ заключенію, что Всемогущій Творецъ „положилъ печать на вѣки на начало и цѣль твореній, на крестъ, на могилу, на небо и землю“ 8). Эту печать не могутъ расторгнуть никакія стихіи міра 9). Итакъ, Кольцовъ приходитъ къ невозможности *ограни-*

---

1) *ibid.*

2) Вопросъ.

3) *ibid.*

4) Примиреніе.

5) *ibid.*

6) Вечеръ.

7) *ibid.*

8) Молитва.

9) *ibid.*

ченнымъ человѣческимъ умомъ постигнуть тайны Провидѣнія и рѣшается покончить всякие счеты съ своимъ скептицизмомъ ¹⁾. И на самомъ дѣлѣ. Развѣ умъ человека, часто мѣшающій „съ былью небылицу“, можетъ перешагнуть за границу потусторонняго міра? ²⁾.

„Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!“ ³⁾.

Вѣрующій поэтъ, желая получить душевное облегченіе, прибѣгаетъ къ молитвѣ и зажигаетъ лампаду предъ Распятіемъ ⁴⁾. Терновый вѣнецъ, сіяющій на древѣ крестномъ,—символь нашего спасенія, какъ маякъ, свѣтитъ въ полуночномъ мракѣ людскаго горя ⁵⁾. Благодаря этому вѣвцу горькія слезы у земного царя (человѣка) исчезаютъ съ блѣдныхъ ланитъ и мятежная человѣческая душа вдохновляется высокою и свѣтлою надеждою, при которой всякое несчастье является сладкимъ и пріятнымъ ⁶⁾. Этимъ искупленіе какъ бы возстановляло первобытный роскошный Эдемъ (рай), украшавшій землю перваго человѣка ⁷⁾. Этотъ образъ Спасителя съ зажженною предъ Нимъ свѣчею вызываетъ въ душѣ поэта глубокое благоговѣніе ⁸⁾. Погружаясь въ безконечный міръ, поэтъ проникается любовью къ Спасителю и со слезами стоитъ предъ Его свѣтлымъ лицомъ ⁹⁾. Поэтъ вспоминаетъ, что міръ напрасно возставалъ противъ Спасителя и тѣмъ болѣе напрасно осудилъ его на смерть ¹⁰⁾. Искупитель и на крестѣ молился за своихъ враговъ,

---

1) Неразгаданная истина.

2) *ibid.*

3) Великая тайна.

4) *ibid.*

5) Великое слово.

6) *ibid.*

7) *ibid.*

8) Предъ образомъ Спасителя.

9) *ibid.*

10) *ibid.*

оставаясь въ то же время спокойнымъ и тихимъ ¹⁾. Такъ, сомнѣніе, явившееся первоначально при рѣшеніи высшихъ вопросовъ духа, разрѣшается у поэта чисто религіознымъ успокоеніемъ. Онъ уже готовъ просить прощенія у Спасителя за то сомнѣніе, которое невольно явилось у него во время вечерней молитвы ²⁾. Холодное горе поэта побѣждено надеждою души, дѣтскимъ довѣріемъ святой волѣ Спасителя и любовью къ Нему ³⁾.

Жизнь, окружающая насъ, заклеѣнена печатью зла и суеты. Куда не взглянемъ, со всѣхъ сторонъ обманъ и ложь: холодность въ родствѣ, притворство, предательство, невѣжество и позорная глупость ⁴⁾. Кольцовъ видѣлъ много горя и видѣлъ его лицомъ къ лицу.

„Только тѣшилась мною
Злая вѣдьма—судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;
Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ,
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;
Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла
Да морщины на нёмъ
Ядомъ слёвъ провела“ ⁵⁾.

Разочарованія въ земныхъ ожиданіяхъ заставили поэта искать утѣшенія въ религіи... Онъ утѣшалъ себя мыслию, что эта жизнь есть только временное стран-

---

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Молитва.

³⁾ Молитва; примѣч., стр. 88.

⁴⁾ Разувѣреніе, стр. 118.

⁵⁾ Равсчётъ съ жизнью, стр. 66.

ствіе, на пути котораго безпрестанно смѣняютъ другъ друга самыя разнообразныя картины. Вотъ почему Кольцовъ принималъ страданія, какъ законный удѣлъ чело- вѣческаго бытія, съ дѣтскою покорностью Богу, не вра- ждую, не проклиная, но благословляя, надѣясь и любя.

„Богъ съ нами! Я страну земную
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ,
Душой постигнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ;
И страствую безъ дальнихъ нуждъ
Земли жилецъ, земного чуждъ“¹⁾.

Есть иная жизнь, вѣра въ которую ободряетъ и под- держиваетъ среди разочарованій и земныхъ невзгодъ.

„Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!
Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина...
У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ—моя могила
На крестѣ—моя любовь?“²⁾.

Что грусть земли, что погибель, что смерть для того, въ комъ живой духъ рвется вонъ изъ той тѣсной темницы, въ которую онъ замкнутъ?.. Поэтому не умъ, а вѣра глубокая, чуждая всякаго сомнѣнія, должна составлять основу души челоука. Попытка проникнуть въ эту тайну міра оканчивается мучительнымъ состояніемъ души, выходъ изъ котораго возможенъ только въ вѣрѣ, которая убѣждаетъ насъ, что

„Въ царствѣ Божьей воли
Въ переливахъ жизни

1) Разувѣреніе, стр. 119.

2) Последняя борьба, стр. 146.

Нѣтъ безсильной смерти,
Нѣтъ бездушной жизни“¹⁾).

Такимъ образомъ, истинное міросоверщаніе Кольцова, какъ оно сказалось въ его описаніяхъ природы, въ его пѣсняхъ любви и „Думахъ“, было глубоко-религіознымъ и идеалистическимъ. Весь міръ, все, что окружало поэта, будило въ немъ религіозную мысль, распаляло его поэтическое воображеніе и звало его на трудный, но достойный путь религіозно-философскихъ исканій.

Свѣтлое и спокойное міросоверщаніе поэзіи, радостное жизненное чувство, смѣлая увѣренность въ будущемъ, любовь къ природѣ и родинѣ,—все объясняется однимъ господствующимъ въ нихъ чувствомъ—*крѣпкою „крестьянскою“ вѣрою въ Бога*, которою такъ силенъ въ своей личной жизни и въ своей исторіи русскій народъ. Едва-ли найдется у Кольцова какое-либо стихотвореніе, въ которомъ онъ не обращался бы къ Богу съ мольбою или надеждою.

Хлѣбъ—величайшая забота для народа—въ пѣсняхъ Кольцова играетъ громаднѣйшую роль, даже большую, чѣмъ скорбь по поводу экономическаго разоренія народа въ стихахъ интеллигентныхъ поэтовъ (Некрасовъ и др.). Святыня хлѣба составляла центральный моментъ Кольцовской поэзіи. Поэтъ былъ не въ силахъ противиться обаянію нивы, потому что видѣлъ ея красоту и понималъ ея величіе. „Муза Кольцова, говор. Ю. Айхенвальдъ, это—жница, съ серпомъ въ рукѣ, вся окруженная колосьями, сіяющая въ ихъ дорогой ткани, счастливая тѣмъ счастьемъ, которое она даетъ людямъ пахарямъ. Муза Кольцова, это—Церера нашей литературы, но только не въ своей языческой красотѣ, а въ ореолѣ

---

¹⁾ Божій міръ, стр. 80.

крестьянства и „христианства“¹⁾. Поэтъ рассказываетъ намъ, что у крестьянина съ наступленіемъ весны пробуждаются практическія думы—„хлѣбъ изъ закрома насыпать въ мѣшки, убирать воза, изъ села гужемъ въ пору выѣхать“²⁾. Во всѣхъ этихъ заботахъ Кольцовъ, какъ настоящій прасоль, изучившій будничную жизнь, высказываетъ тѣмъ не менѣ самую *возвышенную, идеальную и даже мистическую точку зрѣнія*³⁾. „Третью думушку какъ задумали, Богу Господу помолился“⁴⁾. Здѣсь все та же дума о хлѣбѣ насущномъ, какъ бы засвятить землю и дождаться новаго урожая. И все въ поэзіи Кольцова вращается вокругъ этого хлѣба; ей отраднa музыка скрипящихъ возовъ, на которыхъ увозятся благодатныя зерна.

„Золотою рѣкой
По полямъ и лугамъ...
Хлѣбъ везуть, продають,
Собирають казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ“⁵⁾

Только о хлѣбѣ и разговариваютъ:

„Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродить намъ?
Какъ то сѣно въ степи
Будетъ зелено?“⁶⁾

Только имъ и ради него живутъ и собственное существованіе приспособляютъ къ его жизни, къ его властнымъ требованіямъ. Какъ видно, эта страшная и священ-

---

1) Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русск. писат.; вып. II, М. 1908 г., стр. 4.

2) «Урожай», стр. 16.

3) Тогда какъ многіе интеллигентные писатели, скорбящіе о народѣ, наоборотъ преслѣдуютъ утилитарно-экономическій взглядъ.

4) Урожай, стр. 16.

5) ~~А~~то ты спишь, мужич., стр. 52—53.

6) Крестьян. пир., стр. 7—8.

ная дума народа о хлѣбѣ неотдѣлима отъ еще болѣе великой *думы о Богѣ*. Онъ не можетъ быть далеко отъ людей, отъ земли, коль скоро Онъ отечески посылаетъ дождь и ведро, для того чтобы уродился хлѣбъ. И пахарь чувствуетъ горячую благодарность къ Творцу за эти свѣтлыя волны желтѣющаго хлѣба.

„Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремишь колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается“ ¹⁾.

Интеллигенты часто бездною отдѣляютъ вопросы о насущномъ хлѣбѣ для народа отъ вопросовъ о Богѣ, красотѣ и смыслѣ жизни. Но народъ не можетъ, не смѣетъ говорить о хлѣбѣ, не говоря о Богѣ, такъ какъ у него есть вѣра, которая объединяетъ всѣ явленія природы, всѣ явленія жизни въ одно божественное и цѣлое. „Для него, говоритъ Д. Мережковскій, нѣтъ провалы, потому что нѣтъ, какъ у насъ—сытыхъ людей, говорящихъ о хлѣбѣ, лжи и раздвоенности въ его сердцѣ“ ²⁾.

У пахаря хлѣбъ достоинъ сдѣлаться предметомъ религіи. Молитва хлѣбу естественна для Кольцова, и еще больше онъ молится Тому, Кто посылаетъ хлѣбъ. Для

---

¹⁾ Урожай, стр. 16—17.

²⁾ Д. Мережковскій «О причинахъ упадка и новыхъ теченій современной русск. литературы». СПБ. 1893 г., стр. 62.

крестьянина самое рожденіе хлѣба—благодатное и неисповѣдимое чудо; вся его живнь сдѣлалась религіозною именно изъ-за нивы:

„Выдетъ въ полѣ травка,
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткави...
Съ тихою молитвою
Я вспашу, постю.
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!“ ¹⁾.

Красота, поэзія и вообще идеальная сторона русскаго земледѣльческаго быта какъ-то часто упускалась изъ виду нашими послѣдующими поэтами. Держась исключительно экономической точки зрѣнія, они въ своихъ изслѣдованіяхъ забыли, что *дать народу Бога это значитъ дать ему хлѣба*. Между тѣмъ нашъ поэтъ былъ весьма далекъ отъ такого сухого утилитарнаго взгляда на крестьянскій трудъ, а съ чувствомъ глубокаго умиленія и братской вѣры старался видѣть въ народѣ нѣчто святое и идеальное. Поэтъ радуется неистощимой житницѣ зерна, какъ поприщу Божьяго дѣла. Ему природа близка и свята, ему солнце дорого, онъ уважаетъ землю и любитъ ея материнскую питательную грудь.

„Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей матери“ ²⁾.

¹⁾ Пѣсня пахаря, стр. 9-я.

²⁾ Урож., стр. 17—18.

„Только вернувшись къ Богу, мы вернемся, говор. Мережковскій, къ своему народу, *къ своему великому христіанскому народу*“¹⁾. А любовь къ народу—одинъ изъ глубочайшихъ родниковъ всемірной поэзіи—не можетъ проистекать ни изъ какой политико-экономической необходимости, а только изъ свободной вѣры въ Евангельскую святыню народа, только изъ *божественнаго идеализма*²⁾. Въ этомъ послѣднемъ и нужно искать глубочайшую основу народнаго міросозерцанія, народной поэзіи. И въ глубинѣ души народа пока до сихъ поръ еще не потухаетъ тихій, „всемиряющій“ свѣтъ того народнаго евангельскаго идеала, о которомъ нашъ поэтъ сказалъ выше.—

Такимъ образомъ, благодаря своей крѣпкой, „крестьянской вѣрѣ“, Кольцовъ остался самобытнымъ писателемъ въ хорѣ русскихъ поэтовъ и не обратился въ безцвѣтное эхо, повторяющее съ другого голоса чуждые ему напѣвы.

„Что-жъ дѣлать! я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ...
Когда-бъ свобода, время, чинъ,
Когда-бъ, примѣрно, господинъ
Я былъ такой, чтобъ только съ трубкой
Сидѣть день цѣлый и звѣвать,
Роскошно жить, безпечно спать,
Тогда, клянусь тебѣ, не шуткой
Я-бъ вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ,
Теперь я самъ собой поэтъ“...³⁾.

Натура глубокая, страстная, сильная, поэтъ жилъ лицомъ къ лицу съ величавыми небесами и всегда от-

1) См. цитов. соч. Мережковск., стр. 63.

2) *ibid*, стр. 76-я.

3) А. П. Серебрянскому, стр. 116-я.

клялся словомъ религіознаго благоговѣнія на все то, въ чемъ его душа видѣла отраженіе всемогущихъ силъ. Онъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ загадочность природы, любилъ со всей силой человѣка, который умѣетъ вложить въ любовь всю свою мятежную душу. Этимъ-то внутреннимъ взглядомъ на природу Кольцовъ особенно близко подходитъ къ народному складу мысли и чувства. Онъ олицетворялъ, оживлялъ въ духѣ народномъ внѣшнюю природу и дѣлалъ это по естественному стремленію *придать душевной жизни первенствующее значеніе*. Яркая печать надъ всѣми его произведеніями, — *печать возвышеннаго религіознаго чувства*, придаетъ имъ особое поэтическое значеніе. Въ этомъ отношеніи „*Думы*“ Кольцова представляютъ наиболѣе цѣнныя, неоспоримыя и осязательныя *данныя для обрисовки его настоящей душевной жизни* ¹⁾.

1) Очень жаль, что критика не оцѣнила этихъ «Думъ», которыя даютъ намъ представленіе о нравственно-идеальномъ развитіи избранныхъ натуръ въ народныхъ массахъ. Всѣ въ одинъ голосъ попрекаютъ Кольцова невнаніемъ современной мудрости, незнакомствомъ съ замѣчательнымъ разрѣшеніемъ великихъ философскихъ вопросовъ, которое было по плечу только дворянскому сословію въ русской печати. 1) *Бѣлинскій* осудилъ ихъ окончательно, когда сказалъ, что «думы» Кольцова *не находятъ ни въ какихъ отношеніяхъ ни съ какимъ определеннымъ вкусомъ*: они были важны только для него, и тѣмъ труднѣе было ему рѣшить ихъ. — 2) Для *Майкова* и другихъ критиковъ это какія-то неудачныя попытки самоучки замѣнить истину ложными призраками наперекоръ научной мудрости, которая проповѣдывалась просвѣщенными вождями русскаго журнализма. — 3) Даже *Стоюнинъ* и *Водовозовъ*, которые ближе другихъ критиковъ подошли къ истинному пониманію оригинальнаго и глубокаго таланта Кольцова, нашли эти стихотворенія *искусственными и принужденными*. Мѣщанское происхожденіе поэта, связанное въ данномъ случаѣ съ отсутствіемъ образовательнаго ценза, препятствовало критикамъ сосредоточиться на ихъ *очевидныхъ достоинствахъ*. Этимъ критикамъ мѣшало видѣть правду извѣстное предубѣжденіе. Кольцовъ не писалъ философскихъ трактатовъ, для которыхъ нужна эрудиція, способность стоять на высотѣ всѣхъ книжныхъ словъ, когда-либо сказанныхъ учеными людьми. Отрядное исключеніе представляетъ дѣльная и основательная статья *А. Волинскаго* (Сѣверн. Вѣстн. 1892 г. № 11 (ноябрь), который считаетъ «думы» Кольцова вѣрнымъ отраженіемъ его характера. «Онъ здѣсь весь со своимъ возвышеннымъ взглядомъ на природу, со своею идеальною любовью, со своею тоскою и слезами молитвы», стр. 138.

А своими „нѣсколькими стихотвореніями“ Кольцовъ открылъ для русской литературы новые горизонты, до тѣхъ поръ невѣдомые ей: „*крестьянскую жизнь и крестьянскую душу*“. Для людей, которые вѣрують въ будущее нашей родины и нашего народа, возврѣнія Кольцова имѣють поучительный смыслъ и *важность въ исторіи русской поэзіи*. Онъ обратился къ крестьянству не какъ къ безправной и безличной рабочей силѣ, а какъ къ совокупности полноправныхъ человѣческихъ личностей. Это не рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ¹⁾, какъ выразился Некрасовъ, а *сознательный и великій народъ*, который до сихъ поръ несетъ въ жизнь идеалы честнаго труда и смотритъ на трудъ бодро и съ одушевленною энергіею.

Только послѣ Кольцова въ нашей литературѣ явно обнаружилось признаніе *человѣческаго достоинства* въ русскомъ мужикѣ, пробудился интересъ къ народу и возникла живая потребность изученія народной жизни, народного творчества, народной души. Кольцовъ своею поэзіею и до сихъ поръ говоритъ обществу: смотрите, кромѣ баръ на русской землѣ есть еще люди, много людей,—это вотъ тѣ пахари, косари, жвицы, которыхъ вы считаете за грубую неодушевленную рабочую силу,—но вы ошибаетесь: *это настоящіе живые люди*. Смотрите и слушайте: вотъ какъ они размышляють, мечтають, чувствують, любять и ненавидять, желаютъ стремиться къ счастью и моляться, что не мѣшаетъ имъ трудиться и въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой¹⁾.

Ив. Козловъ.

1909 г. 20 Сентября.

Гор. Воронежъ.

---

¹⁾ Н. Ѳ. Бунаковъ. А. В. Кольцовъ, какъ челонѣкъ и какъ поэтъ. Значеніе его поэзіи. См. Филологич. Записки 1892 г., вып. V, стр. 50—51.

† Игумень Иннокентій.

10-го августа с. г. въ 11 часовъ дня мирно почилъ о Господѣ Рязничій Митрофанова монастыря, игумень Иннокентій. О. Иннокентій происходилъ изъ духовнаго званія, сынъ пономаря Рязанской губерніи села Клыпиковъ Аѳанасія Преображенскаго, въ мірѣ именовался Іоанномъ. О. Иннокентій носилъ другую фамилію, данную ему, по всей вѣроятности, при поступленіи въ училище, — „Ковчegovъ“.

Несчастливо было дѣтство Іоанна: 20-ти недѣль отъ роду онъ лишился матери и вскормленъ былъ чужими матерями. Отецъ его былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ своей коровы, и сосѣди изъ жалости приносили для прокормленія ребенка молоко. На 8-ми лѣтнемъ возрастѣ Іоаннъ лишился и отца, и жизнь его стала еще горше: начались скитанія его по чужимъ угламъ. У него было три брата, жившіе въ разныхъ мѣстахъ. Одинъ изъ братьевъ, причетникъ принялъ участіе въ меньшемъ братѣ и черезъ годъ, послѣ смерти отца, отправилъ его въ Рязанское духовное училище. У мальчика оказался хорошій голосъ, и его приняли въ архіерейскій хоръ. Но трудно было мальчику-сиротѣ, безъ домашней подготовки, и при томъ состоящему еще въ хорѣ, успѣвать въ наукахъ; и онъ, не кончивъ училищнаго курса, 14 лѣтъ, оставляетъ Рязань и поступаетъ послушникомъ въ Воронежскій Толшевскій монастырь, гдѣ старшій братъ его Платонъ проходилъ иноческій подвигъ и впоследствии былъ, въ санѣ архимандрита, настоятелемъ того монастыря. Съ переходомъ о. Платона въ Митрофановъ монастырь, перешелъ съ нимъ и о. Иннокентій. Въ 1860 году о. Иннокентій перешелъ въ Черниговскій Елецкій монастырь. Въ эту пору открылся у него прекрасный голосъ-теноръ. Случайно узналъ о выдающемся голосѣ послушника Елецкаго монастыря регентъ придворной капеллы и предложилъ ему

поступить въ кашеллу, но воспользоваться лестнымъ предложениемъ о. Иннокентію не пришлось: чтобы не упустить хорошаго пѣвца, о. Настоятель умыслилъ какія-то препоны. О. Иннокентій оставляетъ этотъ монастырь и переходитъ въ Нѣжинскій. Здѣсь, въ 1863 году, онъ принялъ постригъ и былъ рукоположенъ во іеродіакона. Въ это время на Воронежской кафедрѣ появился Преосвященный Серафимъ, любитель пѣнія. Слава его хора, гремѣвшая далеко за предѣлами Воронежской епархіи, вернула о. Иннокентія (въ 1866 г.) въ Митрофановъ монастырь. 13 лѣтъ пѣлъ онъ въ архіерейскомъ хорѣ. Въ 1877 году онъ рукоположенъ былъ въ іеромонаха; въ 1882 году награжденъ былъ набедренникомъ; въ 1893 г. назначенъ былъ Ризничимъ Митрофанова монастыря и членомъ правленія того же монастыря; въ томъ же году былъ назначенъ уполномоченнымъ отъ Православнаго Палестинскаго Общества и сталъ, по опредѣленію Епархіальнаго Начальства, проходить должность духовника Воронежскаго женскаго Покровскаго монастыря. Въ 1897 году награжденъ наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ; въ 1904 году, по представленію Епархіальнаго Начальства, награжденъ благословеніемъ Святѣйшаго Синода съ грамотою; въ 1898 году возведенъ въ санъ игумена. Имѣлъ Высочайше утвержденный серебряный знакъ Палестинскаго Общества и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III-го.

О. Иннокентій былъ очень добрый и отзывчивый человекъ. У него было много бѣдныхъ родныхъ, и никому изъ нихъ онъ не отказывалъ въ помощи; многихъ онъ пристроилъ и вывелъ въ люди. Благодаря своей добротѣ и нестяжательности, о. Иннокентій не оставилъ на память, послѣ своей смерти, ни денегъ, ни какихъ либо цѣнныхъ вещей; за то оставилъ по себѣ цѣнный невещественный знакъ па-

мяти,—дорогое свое имя. Долго будутъ помнить о. Иннокентія и въ обители и внѣ обители тѣ, которые его знали и имѣли общеніе съ нимъ.

Дня черезъ три послѣ погребенія о. Иннокентія пишущему пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ свѣтскихъ лицъ, почитателемъ о. Иннокентія. Онъ далъ такой характерный отзывъ о почившемъ. „Я зналъ, сказалъ онъ, о. Иннокентія, съ молодыхъ еще лѣтъ. Это былъ человѣкъ сердечный, прямой, открытый, нелюбившій маскироваться. Какимъ онъ былъ въ молодости, такимъ остался и въ старости; какимъ былъ до поступленія въ монашество, такимъ остался и въ монашествѣ на всѣхъ ступеняхъ монашеской жизни“.

Сердечность и простоту о. Иннокентія испыталъ и пишущій. Въ обители Святителя Митрофана я человѣкъ новый. До поступленія въ обитель я зналъ здѣсь 2-хъ—3-хъ лицъ изъ братіи и то только по имени. Монастырская жизнь для меня была *terra incognita*“. Я смотрѣлъ на всѣхъ *букой*, если позволительно такъ выразиться, и въ монастырѣ такъ смотрѣли на меня; но вотъ не дальше, какъ черезъ недѣлю, по поступленіи въ монастырь, встрѣчаюсь на монастырскомъ дворѣ съ о. Иннокентіемъ; поздоровались; о. Иннокентій первый подошелъ ко мнѣ и заговорилъ со мною: „Вы бы пришли ко мнѣ, сказалъ онъ; посидимъ, попьемъ чайку, побесѣдуемъ, можетъ быть, будемъ еще сродни“. И онъ такъ ласково, такъ участливо поглядѣлъ на меня. Эта первая встрѣча съ о. Иннокентіемъ была для меня, словно первый живительный вѣшній солнечный лучъ послѣ суровой зимней стужи.

Еще двѣ черточки въ біографію о. Иннокентія.

О. Иннокентій былъ усердный молитвенникъ за другихъ. Не могу сейчасъ иначе представить себѣ о. Инно-

кентія, какъ только въ такомъ видѣ: стоитъ онъ въ соборѣ, за поздней литургіей, у жертвенника, облаченный въ мантию и епитрахиль, держитъ въ рукахъ довольно толстый сѹнодикъ и углубляется въ чтеніе; сдѣлавъ перерывъ въ чтеніи, кладетъ сѹнодикъ на жертвенникъ, беретъ просфору и вынимаетъ изъ нея частицы; затѣмъ беретъ опять сѹнодикъ, читаетъ, потомъ опять принимается за частицы... И это, бывало, онъ продолжаетъ не менѣе получаса, пока помянетъ всѣхъ, которые у него записаны въ сѹнодикѣ, — и живыхъ, и умершихъ.

Мнѣ передавали родные о. Иннокентія, что онъ вносилъ въ сѹнодикъ свой не родныхъ только своихъ, но и тѣхъ, кто имѣлъ когда-либо общеніе съ нимъ. Особенно переполнена въ его сѹнодикѣ рубрика объ упокоеніи. Сюда онъ вносилъ имена тѣхъ, кто съ пользою для другихъ потрудился на какомъ-либо поприщѣ; оказалъ услугу церкви, отечеству; попадаютъ и такія имена, которыя, можетъ быть, давно уже забыты, и некому ихъ помянуть.

И невольно при этомъ приходитъ на память эпизодъ изъ жизни святителя Московскаго, Митрополита Филарета, когда онъ, наканунѣ рѣшенія дѣла объ одномъ іереѣ, повинномъ въ нѣкихъ прегрѣшеніяхъ, видѣлъ во снѣ сонмъ людей всякаго званія и пола, явившихся съ (того) загробнаго міра и просившихъ Владыку о помилованіи ихъ молитвенника. *Нѣсть человекъ, иже живъ будетъ, и не согрѣшитъ.* Безъ сомнѣнія, найдутся ходатаи на томъ свѣтѣ предъ Владыкою Господомъ и за о. Иннокентія, за его усердныя о нихъ молитвы здѣсь.

Обладая громкимъ и пріятнымъ голосомъ, о. Иннокентій любилъ въ церкви читать. Особенно онъ любилъ читать пареміи. Въ Вел. субботу въ этомъ году онъ, по обычаю, прочиталъ всѣ положенныя по уставу пареміи; читалъ, хотя

и внятно, и выразительно, но уже не съ такою силою, какъ прѣжде, замѣтно было напряженіе голоса. То была послѣдняя его лебединая пѣснь. Онъ съ большимъ трудомъ отслужилъ литургію на первый день Пасхи, и больше уже его не видѣли въ храмѣ.

О. Иннокентій прибѣгалъ къ помощи медицины, но безъ пользы: съ каждымъ днемъ онъ таялъ и таялъ. Спустя 3 недѣли послѣ Пасхи, 25 апрѣля, онъ пожелалъ врачеванія духовнаго: исповѣдался, приобщился Св. Таинъ и соборовался. Когда старшая братія приступила къ совершенію надъ нимъ чина елеосвященія, онъ не могъ удержаться отъ слезъ и плакалъ во все время соборованія. О чемъ были тѣ слезы? Жаль ли ему было разставаться съ жизнію, съ любившею его братією? Или то были слезы покаянія? Или, быть можетъ, его трогало и то, и другое? Это была тайна его сердца. И послѣ соборованія о. Иннокентій нѣсколько разъ прибѣгалъ къ спасительнымъ Таинствамъ Исповѣди и Св. Причащенія. Дня за два до смерти, вслѣдствіе ослабленія зрѣнія, онъ не сталъ узнавать самыхъ близкихъ избранныхъ братіи и говорилъ все тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ, замолкъ — на вѣки.

Въ день погребенія о. Иннокентія Божественная Литургія была совершена въ Архангельскомъ соборѣ Его Высокопреосвященствомъ, Архіепископомъ Анастасіемъ, соборне съ старшею братією Митрофан. монастыря, при весьма значительномъ стеченіи народа, въ томъ числѣ многихъ почитателей почившаго. По окончаніи Литургіи Высокопреосвященнѣйшій Анастасій въ честь и память почившаго сказалъ, приблизительно, слѣдующее слово ¹⁾.

---

¹⁾ Слово было сказано очень пространное, но я налагаю его въ сжатомъ видѣ.

«Блаженъ путь, въ онъже идеше днесь, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія (Прок., гласъ 6).

Такими обыкновенно словами папутствуетъ церковь Божія почившаго. Но для всякаго ли этотъ путь блаженный? Овъ— блаженный путь для тѣхъ, которые идутъ въ загробную жизнь, какъ истинные христіане; онъ—счастливый, радостный вождельный путь для православныхъ, которые крѣпко вѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа, жили благочестно, исполняя заповѣди Господни, и кончили жизнь, напутствованные спасительными таинствами.

Блаженъ путь... И здѣсь на землѣ, прощаясь съ своими родными и добрыми знакомыми, отправляющимися въ дорогу, мы желаемъ имъ счастливаго пути: „Счастливый путь“! Этими словами мы выражаемъ свое пожеланіе, чтобы путешествіе ихъ совершилось благополучно, чтобы на пути не приключилось имъ какого-либо несчастія: не напали бы на нихъ недобрые люди или лютые звѣри, чтобы не потерпѣли они въ пути какого-либо вреда и достигли бы желанной цѣли своего путешествія.

Не безопасенъ, братіе, и путь въ загробный міръ. *Князь власти воздушныйя* (Ефес. 2, 2), діаволь, какъ *скимень рыкающій, ищетъ восхитити и растерзати* душу, идущую въ загробную жизнь (Троп. канон. молеб. на исходъ души, пѣснь 3) Но онъ безсиленъ сдѣлать какое-нибудь зло душѣ истинно-христіанской. Для такой души предлежащій путь есть путь блаженный, потому что онъ ведетъ почившаго въ мѣсто покоя: *яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.*

И почившій братъ нашъ, о. игуменъ Иннокентій заслужилъ этотъ покой,—и своимъ благочестіемъ, и своими

долголѣтними трудами. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ до маститой старости онъ служилъ Господу и ближнимъ въ св. обители: ревностно исполнялъ онъ всѣ свои послушанія. Ему давались такія послушанія, какія не каждому можно и поручить; такъ: онъ былъ ризничимъ, на его рукахъ были всѣ священныя сокровища обители, важныя, кромѣ ихъ святости, и своею древностію, и своею цѣнностію. Онъ несъ, одновременно, обязанность члена Палестинскаго Общества и обязанность духовника женской обители. Обязанность члена Палестинскаго Общества не легка и весьма отвѣтственна. Ему приходилось въ годъ принимать не десятки, а сотни паломниковъ въ Св. Землю и на проѣздъ туда и обратно выдавать паломническія книжки и давать отчетъ въ нихъ предъ Палестинскимъ Обществомъ. Не легка и обязанность духовника многолюдной женской обители. И всѣ эти послушанія, всѣ возлагавшіяся на него обязанности онъ проходилъ съ особенною честію.

По своимъ душевнымъ качествамъ о. игумень былъ человекъ рѣдкій: кроткій, смиренный и отзывчивый на всякое людское горе, на всякую нужду. Господь надѣлилъ о. Иннокентія еще рѣдкимъ качествомъ: чуднымъ голосомъ; и много лѣтъ въ обители онъ услаждалъ молящихся своимъ прекраснымъ чтеніемъ и пѣніемъ. Но что особенно было важно въ о. Иннокентіи, это—его религіозность. Передъ смертію онъ тяжело страдалъ, но свою болѣзнь, продолжавшуюся нѣсколько мѣсяцевъ, онъ переносилъ безъ ропота, видя въ ней особое милосердіе Божіе къ себѣ, помня, что *аще внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Къ исходу въ будущую жизнь онъ приготовилъ себя таинствами покаянія, Св. Причащенія, Елеосвященія. Воистинну, къ о. Иннокентію приложимы слова Тайновидца: *блаженн мертви, умира-*

ющій о Господь, ей, ялаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ (Апок. 14, 18).

Дай, Господи, каждому христіанину такъ потрудиться, какъ потрудился о. Иннокентій, и такъ умереть, какъ умеръ онъ.

Но много ли такихъ? Сердце ноетъ, когда вспомнишь, какъ живутъ въ настоящее время многіе христіане: невѣріе, разгуль, развратъ, всевозможныя хищенія и проч. въ этомъ родѣ стали такими обычными явленіями, что, глядя на такихъ людей, задаешь себѣ вопросъ: какіе же они христіане? что въ нихъ есть христіанскаго? живутъ они не-похристіански и жизнь кончаютъ, какъ безсловесныя животныя, не думая о будущей жизни. А иные доходятъ до такого ожесточенія, что не желаютъ, чтобы надъ ними былъ совершенъ обрядъ христіанскаго погребенія! Какіе это жалкіе и несчастные люди! Они не помышляютъ о будущей жизни, не помышляютъ: какой ужасный путь имъ предлежитъ въ загробную жизнь и что будетъ тамъ...

О, по истинѣ, блаженъ путь, въ который идетъ нынѣ братъ нашъ, о. игуменъ Иннокентій, такъ какъ ему, безъ сомнѣнія, уготовано мѣсто упокоенія“.

Послѣ Литургіи Владыка соборне совершилъ отпѣваніе о. Иннокентія и проводилъ его до мѣста его покоя. Могила о. Иннокентія за Архангельскимъ соборомъ рядомъ съ могилою извѣстнаго высокой своей жизнію благочиннаго, іеромонаха Кирилла. Миръ праху твоему, рабъ Божій, подвигомъ добрымъ подвизавшійся, о. Иннокентій!

Священ. *Ал. Кременецкій.*

Митрофановъ монастырь.

Библиографія.

Русская интеллигенція и революція.

(«Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи». Изд. 3-е. Москва. 1909 г. Ц. 1 р. 25 в. Складъ изданія—въ конторѣ Журнала «Критическое Обзорѣніе». Москва. Арбатъ. Никол. переул., 19).

Русская революція замерла. Прошло только три года послѣ ея девятаго вала, и мы, очевидцы изступленій 1905—1906 г., говоримъ о нихъ, какъ объ историческихъ событіяхъ. Одни изъ насъ съ горестью сознаются, что погибло великое дѣло освобожденія, другіе съ радостью говорятъ, что кончилась великая разруха, и снова можно спокойно работать. Но и тѣ и другіе согласно признаютъ, что революція не удалась и что послѣ революціи родина болѣетъ еще больше, чѣмъ до нея.

Когда поднялась волна общественнаго возбужденія, она захватила собою и наше духовенство, и наши духовно учебныя заведенія. Одни изъ насъ пошли по теченію, сочувствуя революціонному движенію, даже приняли въ немъ участіе, другіе пошли противъ господствующаго теченія не только въ его дикихъ, насильственныхъ формахъ, но и въ его идеальныхъ цѣляхъ. Въ частности, это отразилось и на нашемъ отношеніи къ церковной жизни и ея порядкамъ. И здѣсь не только наблюдалась вполне законная жажда обновленія и реформъ, но по временамъ эта жажда выливалась въ рѣзкія, даже революціонныя формы. Теперь же, когда окончилось или только временно замерло революціонное движеніе, и среди насъ одни сожальютъ о его неудачѣ, другіе глумятся надъ нимъ. Признаюсь, для меня болѣе тяжело слышать глумленіе, чѣмъ сожалѣніе: ужъ слишкомъ сильно сквозитъ въ этомъ глумленіи легковѣсность этихъ господъ и ихъ въ сущности безсердечное и безмысленное отношеніе и къ пережитымъ событіямъ, и къ погибшимъ

участникамъ революціи, и къ тѣмъ ближнимъ и дальнимъ, которые ждали отъ революціи блага, а получили зло. Революціе можно ненавидѣть, съ нею слѣдовало бороться, но глумленія, насмѣшки она не заслуживаетъ. Глумленія заслуживаетъ та среда, которая теперь глумится надъ революціей, такъ какъ изъ нея же выходили въ дни революціи ея панегиристы. Эта среда идетъ за господствующимъ теченіемъ, въ немъ стараясь найти удовлетвореніе своему любопытству и своекорыстію. Въ 1904 г. я слышалъ, какъ восхищались наступающей революціей. „Какъ это интересно! Вѣдь, Вы подумайте: у насъ скоро будетъ то, что до сихъ поръ мы только украдкой читали о великой французской революціи“! И когда на кадетскомъ плацу въ Воронежѣ собиралась десятитысячная толпа и долгіе часы простаивала предъ революціонной трибуной, то не было сомнѣнія, что подавляющее большинство ея—это малодумающее, но жадное до зрѣлищъ стадо, для котораго революція -- даровой спектакль. Еслибы это было не такъ, эта толпа выдѣлила бы изъ себя массу созидателей новой жизни и собственнымъ духовнымъ подъемомъ смыла бы съ себя, съ своей жизни застарѣлыя язвы. Другой типъ изъ той же среды—своекорыстныхъ подголосковъ революціи. Въ дни свободъ мнѣ пришлось наблюдать и бесѣдовать со многими господами этого сорта. Они прежде всего учитывали то, что „освободительное движеніе“ поведетъ къ увеличенію ихъ жалованья: каждый изъ такихъ господъ разсчитывалъ, что освободительное движеніе отниметъ высокіе оклады у министровъ и генераловъ и подѣлитъ ихъ между людьми съ малыми окладами. Общее благо, развитіе страны, просвѣтленіе народной массы для нихъ не существовало. Вотъ изъ этой же среды выходятъ теперь и люди, которые глумятся надъ революціей, которые съ особой гримасой говорятъ о „такъ называемомъ освободительномъ движеніи“.

Нѣтъ, повторяю: законна ненависть къ революціи, какъ къ насилію, законна борьба съ нею, но глупо глумленіе надъ ней. Вѣдь революція потопила въ морѣ крови тысячи жизней. Гибли ея сторонники, и часто самые благородные, заблуждающіеся герои. Гибли ея противники. Гибли цѣлыя состоянія, культурныя хозяйства. Понижался и умственный, и нравственный уровень народа. И этотъ народъ, а что еще страшнѣе—его верхи охладѣли снова къ общественному дѣлу. Страшно за родную страну, за ея будущее.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи необходимо выяснить, почему такъ бесплодно оказалось движеніе 1905—1906 годовъ. Уже давно на этотъ вопросъ созданы два избитыхъ отвѣта. Сторонники революціи винятъ во всемъ правительство. Противники революціи виновниками общественныхъ бѣдствій считаютъ „жидовъ“. Отвѣты стоятъ одинъ другого. Считая виною своей неудачи „козни“ правительства, революціонеры тѣмъ самымъ расписываются въ своей собственной немощности. Вѣдь это все равно, что обвинять японцевъ въ неудачахъ нашей послѣдней войны. Но также неосновательно всю вину за наши бѣдствія слагать на евреевъ: вѣдь, это тоже признаніе слабости стомилліонной націи предъ еврействомъ. Отчего же ослабѣла нація, дававшая раньше могучіе созидательные типы,—этотъ вопросъ остается попрежнему безъ отвѣта.

Весьма серьезную попытку отвѣта на этотъ вопросъ даетъ сборникъ „Вѣхи“. Среди книжнаго потока, наводнившего русское общество съ 1905 года, эта книга занимаетъ исключительное положеніе и по гражданскому мужеству ея авторовъ, и по яркости и силѣ своихъ мыслей. И слѣдуетъ рекомендовать эту книгу всѣмъ, желающимъ понять наши общественные недуги и язвы. А особенно важно имѣть въ рукахъ и тщательно изучить эту книгу духовенству, такъ

какъ она вскрываетъ основную болѣзнь нашей общественности— безрелигіозность интеллигенціи и доказываетъ, что именно эта безрелигіозность подточила жизненные соки у руководителей послѣдняго освободительнаго движенія.

Неудивительно, что эта книга вызвала рѣзкія порицанія со стороны лѣвой печати, вдохновляемой безрелигіозной интеллигенціей. Но было бы непростительно для духовенства, еслибы оно прошло съ равнодушіемъ мимо этой замѣчательной книги.

Но прежде чѣмъ излагать ея основныя положенія, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о ея авторахъ. Они сами — цвѣтъ русской интеллигенціи. Они начали свою общественную и научную дѣятельность, какъ послѣдователи экономического матеріализма, утверждающаго, что все въ жизни человѣка зависитъ отъ экономической борьбы, что наука, эстетика и религія это только настрійки надъ борьбою экономическихъ интересовъ, не имѣющія самостоятельнаго значенія. Но наканунѣ революціи они не только усумнились въ истинности экономического матеріализма, а рѣшительно стали звать общество къ идеализму. Однако, когда началась революція, они примкнули къ освободительному движенію и принимали живое участіе въ борьбѣ со старымъ строемъ. П. Б. Струве издавалъ за границей журналъ „Освобожденіе“, а послѣ 17 октября 1905 г. возвратился въ Россію и здѣсь сталъ издавать журналъ „Полярная Звѣзда“. С. Н. Булгаковъ много писалъ въ „Вопросахъ Жизни“, призывая особенно духовенство выступить на путь борьбы съ правительствомъ духовнымъ и свѣтскимъ. Затѣмъ П. Б. Струве и С. Н. Булгаковъ были членами 2 Государственной Думы и были членами кадетской партіи.

Такимъ образомъ, составители сборника сами пережили все революціонное движеніе, на себѣ испытали его вліяніе

и были постоянными наблюдателями тѣхъ тѣневыхъ его явленій, которыя повели къ пораженію революціи. Это очень важно для насъ, такъ какъ такимъ лицамъ можно довѣрять, когда они выступаютъ діагностами общественныхъ болѣзней, постигшихъ Россію въ годы революціи. Еще болѣе подкупаютъ они въ свою пользу тѣмъ, что ихъ нельзя заподозрить въ своекорыстіи или пристрастіи. Болѣзни интеллигенціи вскрываютъ предъ нами не агенты правительства, даже не служители Церкви,—тогда возможно было бы заподозрить ихъ объективность. Нѣтъ, предъ нами свидѣтельства лицъ, остающихся при прежнемъ убѣжденіи въ ненормальностяхъ и политическаго, и церковнаго строя. Они своею книгой говорятъ какъ бы противъ своей же работы въ прошломъ. А на взглядъ лѣвой печати, они вредятъ этой книгой будущности революціоннаго движенія, такъ какъ вскрываютъ язвы революціи, выносятъ соръ изъ избы. Вотъ почему лѣвая печать такъ враждебно встрѣтила эту книгу. Однако составители дали и второе, и третье изданіе своей книги, видя въ ней свой долгъ передъ родиной. „Это повѣщаетъ мнѣ, говоритъ одинъ изъ нихъ, чувство ответственности и мучительная тревога и за интеллигенцію, и за Россію“ (стр. 59)

„Вдумываясь въ пережитое нами за послѣдніе годы, нельзя видѣть во всемъ этомъ историческую случайность или одну лишь игру стихійныхъ силъ. Здѣсь произнесень была историческій судъ, была сдѣлана оцѣнка различнымъ участникамъ исторической драмы, подведенъ итогъ цѣлой исторической эпохи. „Освободительное движеніе“ не привело къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ должно было привести, не внесло примиренія, обновленія, не привело пока къ укрѣпленію государственности и къ подъему народнаго хозяйства не потому только, что оно оказалось слишкомъ

слабо для борьбы съ темными силами исторіи, нѣтъ, оно и потому еще не могло побѣдить, что и само оказалось не на высотѣ своей задачи, само оно страдало слабостью отъ внутреннихъ противорѣчій. Русская революція развила огромную разрушительную энергію, уподобилась гигантскому землетрясенію, но ея созидательныя силы оказались далеко слабѣе разрушительныхъ“ (С. Н. Булгаковъ, стр. 24).

Во главѣ освободительнаго движенія и революціи стояла русская интеллигенція. „Весь идейный багажъ, все духовное оборудованіе вмѣстѣ съ передовыми бойцами, застрѣльщиками агитаторами, пропагандистами были даны революціи интеллигенціей. Она духовно оформляла инстинктивныя стремленія массъ, зажигала ихъ своимъ энтузіазмомъ, словомъ, была вервами и мозгомъ гигантскаго тѣла революціи. Въ этомъ смыслѣ революція есть духовное дѣтище интеллигенціи, а, слѣдовательно, ея исторія есть историческій судъ надъ этой интеллигенціей“ (стр. 25).

Слѣдуетъ отличать русскую интеллигенцію отъ образованнаго класса. Къ интеллигенціи нельзя причислить корифеевъ русской мысли и величайшихъ художниковъ слова. Ни Владиміръ Соловьевъ, ни Достоевскій, ни даже Л. Толстой интеллигенціей не признаются за своихъ. Русской интеллигенціи свойственно особенное міровоззрѣніе. Самая главная особенность этой интеллигенціи — безбожіе. „Нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская.

И такъ повелось изначала, еще съ духовнаго отца русской интеллигенціи, Бѣлинскаго Известная образованность, просвѣщенность есть въ глазахъ нашей интеллигенціи синонимъ религіознаго индифферентизма и отрицанія. Объ этомъ нѣтъ споровъ среди разныхъ фракцій, партій, „направленій“, это все ихъ объединяетъ. Этимъ пропитана насквозь, до дна, скудная интеллигентская культура, съ ея

газетами, журналами, направленіями, программами, нравами, предрасудками, подобно тому, какъ дыханіемъ окисляется кровь, распространяющаяся потомъ по всему организму. Нѣтъ болѣе важнаго факта въ исторіи русскаго просвѣщенія, чѣмъ этотъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ приходится признать, что русскій атеизмъ отнюдь не является сознательнымъ отрицаніемъ, плодомъ сложной, мучительной и продолжительной работы ума, сердца и воли, итогомъ личной воли. Нѣтъ, онъ берется чаще всего на вѣру и сохраняетъ эти черты наивной религіозной вѣры, только наизнанку. Эта вѣра беретъ въ основу рядъ неprovѣренныхъ и неправильныхъ утвержденій, именно, что наука компетентна окончательно разрѣшить и вопросы религіи и при томъ разрѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ. Вѣру эту раздѣляютъ и ученые, и неученые, и старые и молодые“ (30—31).

Вслѣдствіе такого взгляда, русская интеллигенція игнорируетъ всю исторію религіознаго и философскаго развитія человѣчества, игнорируетъ христіанство, т. е. выбрасываетъ самую душу изъ исторіи и оказывается въ культурной пустынѣ. Но этимъ самымъ интеллигенція отказывается отъ абсолютныхъ принциповъ Божества, вѣчности человѣческаго существа и его живого общенія съ Богомъ. На мѣсто Бога ставится человѣкъ, на мѣсто вѣчныхъ Божіихъ законовъ—принципы переживаемой минуты. Человѣкобожество, самообожженіе въ Россіи были приняты съ юношескимъ пыломъ. И потому то интеллигенція „почувствовала себя призванной сыграть роль Провидѣнія относительно своей родины, гдѣ все казалось ей охваченнымъ непроглядной тьмой“. Для интеллигента поэтому мало скромной роли работника, его мечта быть спасителемъ человѣчества или, по крайней мѣрѣ, русскаго народа. Это создало особое *героическое* настроеніе среди интеллигенціи. И въ самопожертвованіи и гибели многихъ интеллигентовъ было дѣйствительно много героическаго.

Но въ этомъ настроеніи не было творческаго, созидающаго элемента. „Герой есть до нѣкоторой степени сверхчеловѣкъ, становящійся по отношенію къ ближнимъ своимъ въ горделивую и вызывающую позу спасителя, и при всемъ своемъ стремленіи къ демократизму интеллигенція есть лишь особая разновидность сословнаго аристократизма, надменно противопоставляющая себя „обывателямъ“. Такое высокомерное настроеніе не только отталкиваетъ отъ интеллигента общество, но и отрываетъ его отъ живой дѣйствительности и отъ исторіи. Отсюда пресловутая „принципіальность“ интеллигенціи. „Кажется, ни одно слово не вылетаетъ такъ часто изъ устъ интеллигента, какъ это, онъ обо всемъ судитъ прежде всего „принципіально“, т. е. на самомъ дѣлѣ отвлеченно, не вникая въ сложность дѣйствительности. Известна эта интеллигентская „принципіальная“ непрактичность, приводящая иногда къ одѣживанію комара и поглощенію верблюда“.

Отказавшись отъ безусловныхъ цѣнностей — Бога, духовной личности, вѣчной жизни, интеллигенція думаетъ спасти человѣчество *своими* силами и притомъ *внѣшними* средствами. Не постоянный трудъ надъ достиженіемъ блага, требующій дисциплины воли, а героическій подвигъ, быстро устраняющій съ пути всѣ препятствія къ достиженію общаго блага, — вотъ мечта интеллигента. Такое настроеніе находитъ выходъ въ бурные моменты исторіи, но совершенно не выноситъ затишья.

И вполне понятно, что самую благопріятную почву для такого настроенія представляетъ учащаяся молодежь. съ ея психологіей и фізіологіей Недостатокъ жизненнаго, опыта и научныхъ знаній, замѣняемый пылкостью и самоувѣренностью, привеллигированность соціальнаго положенія, — вотъ причины, почему въ послѣдніе годы наша учащаяся молодежь заняла такое исключительное положеніе.

Это „духовная педократія“, которую только что пережило русское общество, когда мнѣнія учащейся молодежи оказывались руководящими для старѣйшихъ. Старѣйшія же поколѣнія молчаливо или даже открыто одобряютъ молодежь, когда она безъ опыта, но съ зарядомъ интеллигентскаго героизма берется за серьезные, опасные по своимъ послѣдствіямъ соціальныя опыты.

Отрицаніе вѣчныхъ нравственныхъ цѣнностей и героическая претензія спасти человечество быстрымъ внѣшнимъ подвигомъ освобождаютъ интеллигента отъ обязанности исполненія нравственныхъ предписаній. Героическое „все позволено“ незамѣтно подмѣняется просто безпринципностью во всемъ, что касается личной жизни, личнаго поведенія, чѣмъ наполняются житейскіе будни. „Въ этомъ заключается одна изъ важныхъ причинъ, почему у насъ, при такомъ сбиліи героевъ, такъ мало просто порядочныхъ, дисциплинированныхъ, трудоспособныхъ людей, и та самая героическая молодежь, по курсу которой опредѣляетъ себя старшее поколѣніе, въ жизни такъ незамѣтно и легко обращается или въ „лишнихъ людей“, или же въ чеховскіе и гоголевскіе типы и кончаетъ виномъ и картами, если только не хуже.

И потому то такъ страшно за будущее русскаго общества. „Безбожная, оторванная отъ органическаго склада жизни, не имѣющая собственныхъ твердыхъ устоевъ, интеллигенція, съ своимъ атеизмомъ, прямолинейнымъ раціонализмомъ и общей развинченностью и безпринципностью въ обыденной жизни, передаетъ эти качества и своимъ дѣтямъ, съ тою только разницей, что дѣти наши даже и въ дѣтствѣ остаются лишены тѣхъ здоровыхъ соковъ, которые получали родители изъ народной среды. Боюсь, что черты вырожденія должны проступать при этомъ съ растущей быстротой“ (стр. 47).

Такова психологія русской интеллигенціи, взявшей въ

свои руки дѣло обновленія Россіи. Но эта психологія была не ясна или даже совсѣмъ не понята обществомъ, увлеченнымъ въ революціонное движеніе. Общество видѣло борцовъ, протестантовъ, и этого ему казалось достаточно для того, чтобы уничтожить безпорядки и нестройія въ жизни. Но скоро оно почувствовало, что у самихъ борцовъ нѣтъ ни нравственнаго воспитанія, ни созидающаго творчества. И оттого такъ скоро наступило охлажденіе къ борцамъ.

Психологія русской интеллигенціи, изложенная С. Н. Булгаковымъ, намѣчаетъ общій процессъ ея развитія. Отдѣльныя стороны этого развитія изображаютъ другіе авторы сборника. И во всѣхъ сторонахъ жизни интеллигенція оказалась односторонней, и оттого ея удѣльный вѣсъ оказался очень невысокимъ.

Въ области мысли отрицаніе вѣчныхъ, абсолютныхъ истинъ соединилось съ предвзятымъ убѣжденіемъ, что наука должна служить общественному развитію, и только. Исканіе истины, чистое знаніе отрицалось, какъ дѣло противообщественное и вредное. И здѣсь человѣческое, слишкомъ человѣческое, временное, злободневное стало на мѣсто Божьяго и исказило и науку, и особенно философію. Наши лучшіе мыслители, посвятившіе жизнь свою исканію истины, были отвергнуты интеллигенціей и даже заподозрѣны въ реакціонности. Вл. Соловьевъ, которымъ могла бы гордиться философія любой страны, Юркевичъ, Козловъ, С. Трубецкой, Лопатинъ, Лосскій, Несмѣловъ, Чичеринъ и многіе другіе мыслители почти неизвѣстны интеллигенціи. А такъ какъ они были истинными мыслителями, такъ какъ они стремились и частью достигали цѣлостнаго міровозрѣнія, то отказъ отъ нихъ оставлялъ интеллигенцію въ духовной нищетѣ. Интеллигенція шла по слѣдамъ и увлекалась такими мыслителями, которые оправдывали ея политическія идеи.

Писаревъ, Михайловскій, Лавровъ, Люначарскій, Богдановъ — вотъ эти мыслители. „Споры философскихъ направлений въ интеллигентскихъ кружкахъ носили демагогическій характеръ и сопровождались недостойнымъ поглядываніемъ по сторонамъ съ цѣлью узнать, кому что понравится и какимъ инстинктамъ что соотвѣтствуетъ. Эта демагогія деморализуетъ душу нашей интеллигенціи и создаетъ тяжелую атмосферу. Развивается моральная трусость, угасаетъ любовь къ истинѣ и дерзновеніе мысли. Дѣленіе философіи на „правую“ и „лѣвую“, утвержденіе двухъ истинъ, полезной и вредной, — все это признаки умственного, нравственного и общекультурнаго декаданса. Путь этотъ ведетъ къ разложенію общеобязательнаго универсальнаго сознанія, съ которымъ связано достоинство человѣчества и ростъ его культуры. Къ объективнымъ идеямъ русская интеллигенція относилась недоувѣрчиво, такъ какъ предполагала, что подобныя идеи помѣшаютъ бороться съ самодержавіемъ и служить „народу“, благо котораго ставилось выше вселенской истины и добра“ (Н. Бердяевъ „Философская истина и интеллигентская правда“, стр. 1—22).

Мы, переживавшіе общественныя движенія русской мысли съ 80-хъ годовъ, на себѣ и своихъ сверстникахъ испытали всю правду этихъ горькихъ мыслей о русской интеллигенціи и — частице — о молодежи духовно-учебныхъ заведеній. Повидимому, наша школа всего болѣе должна развивать любовь къ истинѣ, къ вѣчнымъ истинамъ, независимо отъ ихъ политическихъ результатовъ. И оффициально, на урокахъ и въ лекціяхъ, мы знакомились съ истинами философіи безъ политической окраски. Но наши кружки самообразованія, но наше свободное чтеніе? Къ кому болѣе всего тяготѣла думающая семинарская молодежь? Кѣмъ зачитывалась? Бѣлинскимъ и Писаревымъ. И тоже продолжалось въ духовной академіи. Чернышевскій, Н. К. Михайловскій, П. Лавровъ, — вотъ име-

на, о которыхъ спорили въ академическихъ помѣщеніяхъ въ то время, когда 5—10 студентовъ присутствовали на лекціяхъ академическихъ богослововъ. И это было въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Что же было въ свѣтскихъ? Затѣмъ—журналистика. Она вся носила злободневный характеръ. Помню, съ какимъ недоверіемъ былъ встрѣченъ новый тогда журналъ „Вопросы философіи и психологіи“. Его сотрудниковъ прямо подозрѣвали въ служеніи реакціи, и только потому, что они не касались политики, а излагали философскія истины. Тоже продолжалось и по окончаніи школы. Мыслители независимые были въ загонѣ, ихъ игнорировали. С. Трубецкого признала интеллигенція только послѣ того, какъ онъ принялъ непосредственное участіе въ революціонномъ движеніи. А еще раньше Вл. Соловьевымъ интеллигенція заинтересовалась только послѣ его публицистическихъ статей, направленныхъ противъ правительства. Но философскія мысли того и другого попрежнему были для интеллигенціи невѣдомы. Еще болѣе эта черта отразилась на возникновеніи религіозно-философскаго общества въ Петербургѣ. Интеллигенція была равнодушна къ этому обществу до тѣхъ поръ, пока оно не приняло оппозиціоннаго направленія по отношенію къ церкви и государству. Левъ Толстой въ своихъ философскихъ исканіяхъ игнорируется интеллигенціей. Последняя „примирилась съ Толстымъ за его народничество“ и за то, что въ ученіи Толстого заключается тоже „вражда къ философіи, къ творчеству, признаніе грѣховности этой роскоши“. А главное — у Толстого интеллигенція нашла рѣзкія нападки на власть, съ которой всегда боролась сама. Наконецъ, напомнимъ отношеніе интеллигенціи къ Гр. Петрову и арх. Михаилу. Первый сдѣлался вождемъ интеллигенціи исключительно за свои публицистическія и демагогическія статьи. Ни одинъ русскій богословъ, ни одинъ мыслитель не пользовался такой популярностью среди интеллигенціи (и духо-

венства), какъ Петровъ, хотя онъ не написалъ ни одной книги, которая бы оставила слѣдъ въ исторіи мысли. Еще любопытнѣе судьба арх. Михаила. Помню, какъ до 1903 года онъ искалъ выхода своей кипучей плодовитости. Но его статьи принимали только „Московскія Вѣдомости“. Даже консервативныя по существу „Петербургскія Вѣдомости“ не печатали его статей. А между тѣмъ тогда его работы были наиболѣе продуманы. Но онъ трактовали за положительныя истины религіи, за вѣковѣчные идеалы, и потому не представляли интереса для интеллигенціи. Но когда тотъ же арх. Михаилъ ушелъ изъ церкви и сталъ писать противъ нея, когда онъ объявилъ себя социалистомъ, ему охотно открыли свои страницы самыя либеральныя изданія.

Отказавшись отъ объективной философіи и религіи, интеллигенція оказалась безъ нравственныхъ устоевъ. И потому молодое поколѣніе, подрастающее въ нѣдрахъ интеллигенціи, оказывается безъ воспитывающаго вліянія семьи. „На вопросъ, имѣла ли семья вліяніе на выработку этическихъ идеаловъ, эстетическихъ вкусовъ, товарищества и т. д., изъ 2150 опрошенныхъ (въ Москвѣ) студентовъ отвѣтъ дали только 1706. Изъ нихъ 56% отвергли вліяніе семьи и только 44% признали его наличность... У русской интеллигенціи-семьи нѣтъ. Наши дѣти воспитательнаго вліянія семьи не знаютъ, въ крѣпкихъ семейныхъ традиціяхъ не почерпаютъ той огромной силы, которая выковываетъ, напр., идейныхъ вождей англійскаго народа. Наша семья неспособна сохранить даже просто физическія силы дѣтей, предохранить ихъ отъ ранняго растлѣнія, при которомъ нечего и думать о какомъ-либо прогрессѣ, радикальномъ переустройствѣ общества и прочихъ высокихъ матеріяхъ. Огромное большинство нашихъ дѣтей вступаетъ въ университетъ уже растлѣнными. Кто изъ насъ не знаетъ, что въ старшихъ классахъ гимназій уже рѣдко найдешь мальчика, не познакомивша-

гося либо съ публичнымъ домомъ, либо съ горничной. Мы такъ привыкли къ этому факту, что перестаемъ даже сознавать весь ужасъ такого положенія, при которомъ дѣти не знаютъ дѣтства и не только истощаютъ свои силы, но и губятъ въ ранней молодости свою душу, отравляютъ воображеніе, искажаютъ разумъ. Нигдѣ, даже во Франціи, въ культурныхъ семьяхъ нѣтъ такого огромнаго количества половыхъ скороспѣлокъ, какъ въ сѣверной, холодной Россіи“.

Школа также не имѣетъ положительнаго вліянія на молодое поколѣніе. Изъ 2081 опрошенныхъ въ Москвѣ студентовъ 1791 (т. е. 86%) заявили, что ни съ кѣмъ изъ учебнаго персонала средней школы у нихъ не было духовной близости. Юноша испытываетъ только вліяніе товарищества. Но это тоже очень сомнительное вліяніе. „Начинаясь съ боевого союза для борьбы съ учителями, обманыванія ихъ, для школьническихъ безчинствъ, товарищество продолжается не только въ видѣ союза для попоекъ, посѣщенія публичныхъ домовъ и рассказыванія неприличныхъ анекдотовъ, но и въ видѣ союзовъ для совмѣстнаго чтенія, кружковъ саморазвитія, а въ послѣдствіи и кружковъ совмѣстной политической дѣятельности. Но и въ послѣднемъ случаѣ вліяніе товарищества имѣетъ опасныя и вредныя стороны. Оно обособляетъ молодежь и отъ науки, и отъ общества. Чтеніе запрещенныхъ книгъ, отъ подпольныхъ революціонныхъ брошюръ до арцыбашевскаго „Санина“, вселяетъ въ юношу высокомерное отношеніе къ толпѣ. И оттого „развитая“ молодежь оказывается такою оторванною, такою непригодною въ жизни“.

Наконецъ, и въ университетѣ, по статистическимъ даннымъ, молодежь мало и плохо учится, и всякій, кто ее искренно любитъ, обязанъ ей постоянно говорить это въ лицо, а не пѣтъ ей дионирамбы, не объяснять возвышенными мотивами соціально-политическаго характера того, что сплошь и

рядомъ объясняется слабой культурой ума и воли, нравственнымъ разгильдяйствомъ и привычкой къ фразерству. „Равнодушіе къ вопросамъ национальной чести, узко себялюбивое пониманіе принципа свободы и самовластно-жестокая нетерпимость къ чужому мнѣнію—вотъ наиболѣе характерныя черты, воспринятыя русской учащейся молодежью изъ среды породившей ее интеллигенціи. Напряженная, взвинченная студенческая жизнь, создавая видимость какого-то грандіознаго общественнаго дѣла, поглощая въ ущербъ занятіямъ много времени, мѣшаетъ студентамъ заглядывать себѣ въ душу и давать себѣ точный и честный отчетъ въ своихъ поступкахъ и мысляхъ. А безъ этого нѣтъ и не можетъ быть нравственнаго совершенствованія. Но нравственное самосовершенствованіе, вообще, не пользуется кредитомъ въ средѣ передовой молодежи, почему то убѣжденной, что это—„реакціонная выдумка“. И хотя въ идеалѣ нравственное самосовершенствованіе замѣняется постоянной готовностью положить душу за други своя, но у огромнаго большинства—увы!—среднихъ людей оно замѣняется только выкрикиваніемъ громкихъ словъ и принятіемъ на сходкахъ радикальныхъ резолюцій“.

Такъ воспитанная интеллигенція оказывается мало пригодною въ жизни. „Средній массовый интеллигентъ въ Россіи большею частью не любитъ своего дѣла и не знаетъ его. Онъ—плохой учитель, плохой инженеръ, плохой журналистъ, непрактичный техникъ и проч. и проч. Его профессія представляетъ для него нѣчто случайное, побочное, не заслуживающее уваженія. И оттого интеллигенція такъ мало цѣнится народомъ. Безъ солидныхъ знаній, кормясь только популярными брошюрками, долго играть въ жизни невозможно. И въ нашихъ государственныхъ думахъ огромное большинство депутатовъ, за исключеніемъ 3—4 десятковъ кадетовъ и октябристовъ, не обнаружили знаній, съ которыми можно

было бы приступить къ управленію и переустройству Россіи“. (А. Изгоевъ „Объ интеллигентной молодежи“, стр. 97—124).

Ограничимся приведенными сужденіями о нравственныхъ немоцахъ русской интеллигенціи. Съ другими язвами въ убѣжденіяхъ и жизни этой молодежи совѣтуемъ познакомиться по статьямъ М. Гершензона—„Творческое самосознаніе“ (стр. 70—96), Б. А. Кистяновскаго—„Въ защиту права“ (стр. 125—155), П. Б. Струве—„Интеллигенція и революція“ (стр. 156—174) и С. Л. Франка—„Этика нигилизма“ (стр. 175—210). Думаемъ, что и изъ того, что изложено выше, ясно, почему интеллигенція оказалась безсильной обновить русскую общественную жизнь. Отсюда понятенъ общій выводъ изъ сборника. Отрицая основное положеніе интеллигенціи—общественное переустройство безъ нравственнаго совершенствованія самихъ реформаторовъ,—всѣ авторы сборника утверждаютъ, что „духовная жизнь должна первенствовать надъ внѣшними формами общежитія, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человѣческаго бытія, и что она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно прочнымъ базисомъ для всякаго общественнаго строительства“ (стр. II).

Выходя изъ этой основной точки зрѣнія, составители сборника намѣчаютъ путь, какимъ должно пойти русское общество для своего оздоровленія и обновленія,—они разставляютъ вѣхи, указывающія этотъ путь. Религіозное возрожденіе, личное нравственное совершенствованіе, смиренный и одухотворенный трудъ надъ дѣломъ, къ которому призванъ, уваженіе къ праву,—вотъ эти вѣхи. Мы не будемъ излагать подробно эти мысли. Но мы отмѣтимъ существенную черту того настроенія, какимъ долженъ проникнуться интеллигентъ и для своего, и для общественнаго оздоровленія.

На мѣсто героическаго чувства, при которомъ человѣкъ горделиво ставитъ себя выше толпы, но оказывается спо-

собнымъ только на быстрый крупный шагъ, интеллигенція должна воспитать въ себѣ чувства христіанскаго подвижничества. „Христіанскій подвижникъ вѣритъ въ Бога-Промыслителя, безъ воли Котораго волосъ не падаетъ съ головы. Исторія и единичная человѣческая жизнь представляются въ его глазахъ осуществленіемъ хотя и непонятнаго для него въ индивидуальныхъ подробностяхъ строительства Божьяго, предъ которымъ онъ смиряется подвигомъ вѣры. Благодаря этому онъ сразу освобождается отъ героической позы и притязаній. Его вниманіе сосредоточивается на его прямомъ дѣлѣ, его дѣйствительныхъ обязанностяхъ и ихъ строгомъ, неукоснительномъ исполненіи. Вниманіе здѣсь сосредоточивается на сознаніи личнаго долга и его исполненія, на самоконтролѣ, и это перенесеніе центра вниманія на себя и свои обязанности, освобожденіе отъ фальшиваго самочувствія непризваннаго спасителя міра и неизбежно связанной съ нимъ гордости оздоравливаетъ душу, наполняя ее чувствомъ здороваго христіанскаго смиренія. Къ этому духовному самоотреченію призывалъ Достоевскій: „смирись, гордый человекъ, и прежде всего сломи свою гордость... Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя“.

Христіанское подвижничество есть непрерывный самоконтроль, борьба съ низшими, грѣховными сторонами своего я, аскеза духа. Если для героизма характерны вспышки, исканіе великихъ дѣяній, то здѣсь, напротивъ, нормой является ровность теченія, „мѣрность“, выдержка, неослабная самодисциплина, терпѣніе и выносливость,—качества, какъ разъ отсутствующія у интеллигенціи. Человекъ долженъ смотрѣть на свое дѣло, какъ на *послушаніе*. Врачъ и инженеръ, профессоръ и политическій дѣятель, фабрикантъ

и его рабочей одинаково при исполненіи своихъ обязанностей могутъ руководствоваться не своимъ личнымъ интересомъ, духовнымъ и матеріальнымъ, — все равно, но совѣстью, велѣніями долга, нести послушаніе. Эта дисциплина послушанія, „свѣтскій аскетизмъ“, имѣла огромное вліяніе для выработки личности и въ Западной Европѣ въ разныхъ областяхъ труда, и эта выработка чувствуется до сихъ поръ.

Но смиреніе подвижника вовсе не есть равнодушіе къ общественному благу. Вся жизнь подвижника, проникнутая чувствомъ смиренія, направлена къ этому благу, понимаемому гораздо выше и шире, чѣмъ интеллигентскій идеалъ: не временное счастье только послѣднихъ поколѣній, торжествующихъ на костяхъ и крови своихъ предковъ, а вѣра во всеобщее воскресеніе, новое небо и новую землю, когда „будетъ Богъ все во всемъ“, одушевляетъ христіанскаго подвижника. И эта вѣра создала жизнь. „Подобно лампадамъ, теплившимся въ иноческихъ обителяхъ, куда на протяжении вѣковъ стекался народъ, ища нравственной поддержки и поученія, свѣтили Руси эти идеалы, этотъ свѣтъ Христовъ, и, поскольку онъ обладаетъ этимъ свѣтомъ, народъ нашъ, при всей своей неграмотности, просвѣщеннѣе своей интеллигенціи“.

Вотъ почему противъ революціонной интеллигенціи, вышедшей изъ отрицанія христіанства, такъ рѣзко выступили наиболѣе убѣжденные члены Церкви, для которыхъ очевидно, что проведеніе въ жизнь народа интеллигентскихъ безбожныхъ идеаловъ будетъ губительно для народа. Борьба интеллигенціи и Церкви — борьба двухъ противоположныхъ идеаловъ — героическаго и подвижническаго, антихристіанскаго и христіанскаго. Задача героизма — внѣшнее спасеніе челоуѣчества (точнѣе, будущей части его) *своими* силами, по своему плану, «*во имя свое*», герой — тотъ, кто въ наибольшей степени осуществляетъ свою идею, хотя бы ломая

ради нея жизнь, *это—человѣкобогъ*. Христіанскій святой— тотъ, кто въ наибольшей мѣрѣ свою личную волю и всю свою эмпирическую личность непрерывнымъ и неослабнымъ подвигомъ преобразовалъ до возможно полнаго проникновенія волею Божіей. Образъ полноты этого проникновенія— *Богочеловѣкъ*, пришедшій „творить не свою волю, но *пославшаго Его Отца*“, и „грядущій во имя Господне“ (С. Н. Булгаковъ). И только тогда, когда интеллигенція проникнется послѣднимъ идеаломъ и начнетъ работу съ собственнаго покаянія и совершенствованія, Россія выступитъ на путь истиннаго обновленія.

Таковъ заключительный выводъ этой замѣчательной книги. Это вѣчно старая и вѣчно новая истина, провозглашенная въ полнотѣ христіанствомъ. Къ ней приходили потомъ величайшіе мыслители, начинавшіе часто съ матеріализма. И у насъ ее исповѣдовали самые видные писатели, въ молодости начинавшіе съ матеріалистическихъ и эпикурейскихъ взглядовъ. И Фонвизинъ, и Державинъ, и Пушкинъ, и Достоевскій и отчасти Л. Толстой прошли этотъ путь. Мы не говоримъ уже о славянофилахъ, которые въ ней всегда видѣли истинное спасеніе личное и общественное. Теперь къ этой мысли пришли дѣятели обновленія, принимавшіе участіе въ революціонномъ движеніи и убѣдившіеся въ его заблужденіи.

Намъ, членамъ Церкви, весьма важно знать объ этомъ. Это дастъ надежду, что лучшая, наиболее вдумчивая часть нашей интеллигенціи одумается въ своемъ слѣпомъ увлеченіи внѣшней ломкой старыхъ порядковъ и тоже придетъ къ мысли о нравственномъ возрожденіи. Это должно ободрить ослабѣвающихъ церковныхъ дѣятелей въ ихъ одинокой работѣ, это должно образумить тѣхъ ослѣпленныхъ юношей изъ нашего духовенства, которые идутъ покорно за невѣрующей интеллигенціей, не подозрѣвая всей гибельности этого пути.

П. Никольскій.

3 сентября 1909 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Садоводство и плодовой питомникъ
священ. Іоанна Андреевича Романовскаго

Въ селѣ Артюшкинѣ, Новохоперскаго уѣзда,
предлагаетъ въ продажу

для посадки осенью 1909 года и весной 1910 года

однолѣтнія и двухлѣтнія фруктовыя деревья и ягодные кустарники.

Цѣна не дорогая: отъ 20 коп. до 45 коп. за дерево рядовыя и
отъ 30 коп. до 50 коп. на выборъ за дерево.

Деревья хорошія. Выборъ большой. Сорта самыя лучшія, испытанные. Названіе сортовъ мѣстное.

ЯБЛОНИ: Анисъ красный, Анисъ Великанъ, Антоновка полуторафунтовая, Арапка красная, Арапка зеленая (Ренетъ Ламбардскій), Аркадъ жолтый, Аркадъ красный, Апортъ Александръ, Ана-насная, Боровинка, Бѣль форфорова, Бѣль Вѣра, Бѣль Митина, Бѣль регента, Бѣль Филарета, Варгуль, Грушовка, Добрый крестьянинъ, Золотое сѣмячко, Медовка, Малиновка, Наливка, Осенній наливъ, Коричневое, Княжеское, Скороспѣлка, Скрижапель, Скруть, Пепинка Воронежск. Батанич. сада, Титовка Великанъ.

ГРУШИ: Безсѣмянка, Бергамотъ лѣтній, Бергамотъ осенній, Бергамотъ Курскій, Вареничная, Долманова, Глива Курская, Глива мѣстная, Дюшесъ Д'Ангюлемъ, Дюшесъ Чернова, Добрая Луиза изъ Авранжа, Идаго, Ильинка, Лимонная, Сапѣжанка, Тонковѣтка, Царская, Груша Филарета (поспѣваетъ въ сентябрѣ).

СЛИВЫ осеннія, сочныя, вкусныя 15—20 коп. корень.

Ежевика 10 коп. корень.

Малина красная (хороша для варенья) 10 коп. корень.

Клубника крупная Нобль и Альбертъ рубль сотня.

Сирень бѣлая и синяя, 5—10 коп. корень.

Адресъ: Почтовотелеграфная контора Абрамовка, Воронежской губерніи. Ближайшая станція Абрамовка Ю.-В. ж. д.

Упаковка за счетъ покупателя; доставка на станцію желѣзной дороги безплатная. Заказы менѣе трехъ рублей не исполняются. За поврежденія въ пути и несвоевременную доставку по желѣзной дорогѣ не отвѣчаю.

(2—2)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ
МАГАЗИНЪ

„ЭХО“

И. Г. ШУГАМЪ.
Б. Дворянская д. Пуле № 29.
Телефонъ 362.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

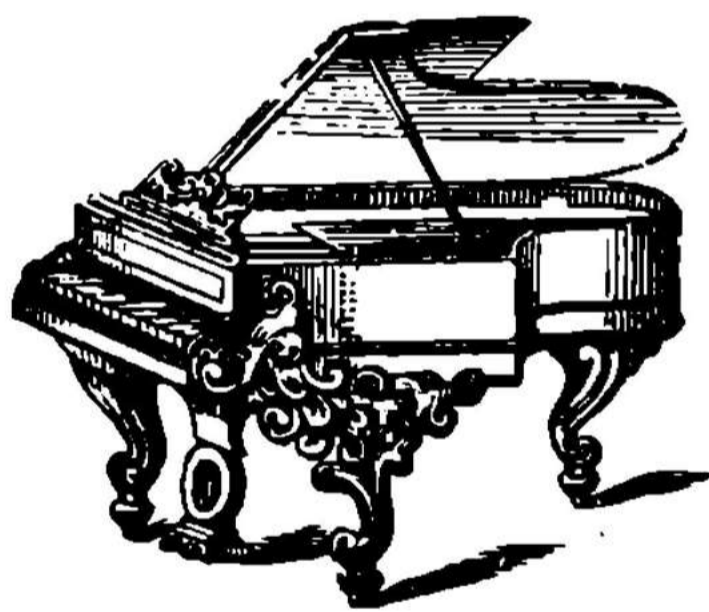
всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

ГРАММОФОНЫ
ПАТЕФОНЫ.

Послѣдняя новость!

Поющій и говорящій аппаратъ
безъ шолоха.

ПЛАСТИНКИ съ безшумной переда-
чей послѣдней записи
на одной и обѣихъ сторонахъ.

РОЯЛИ, ПИАНИНО И
Фис-гармоніи „Принципаль“, какъ и проч.
инструменты исключит. отъ первоклас. фабрикъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖЕЙ.

Свѣжія струны. — — НОТЫ всѣхъ
надавий.

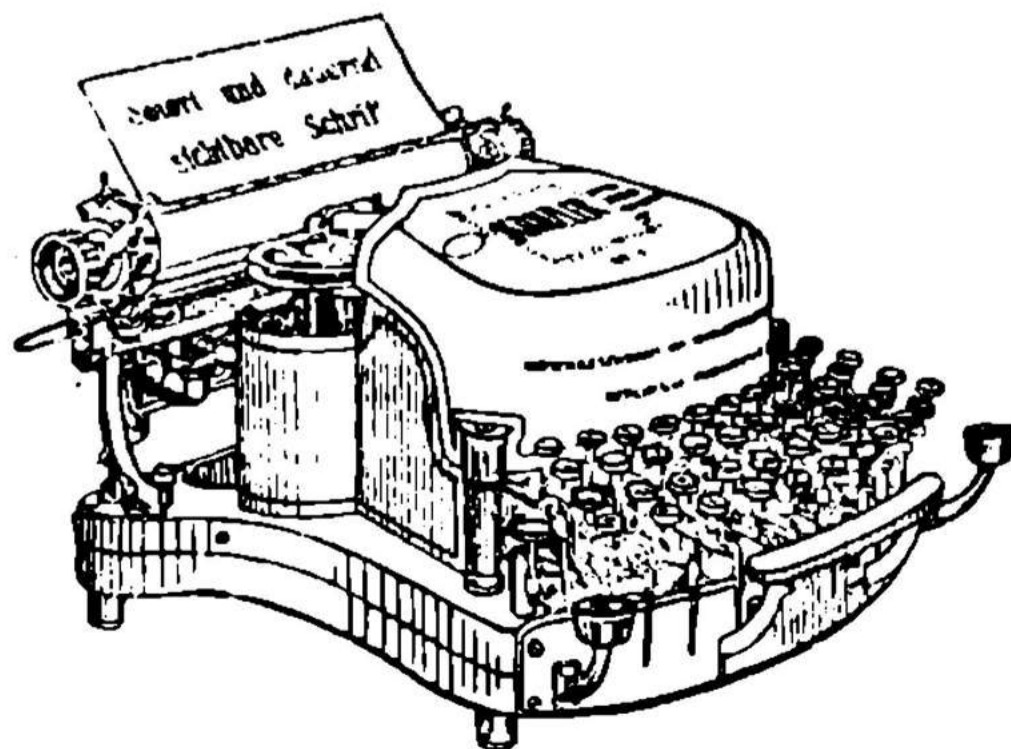
Прейсъ-Курантъ бесплатно по первому требованію.

Новѣйшія усовершенствованныя
пишущія машины
„КАНЦЛЕРЪ-РАПИДЪ“.

Съ открытымъ шрифтомъ

и

ДВУМЯ ЛЕНТАМИ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Предпринятый въ минувшемъ году Харьковскимъ религіозно-просвѣтительнымъ Братствомъ опытъ изданія

„Южно-русскаго церковно-народнаго Календаря

на 1909 годъ съ литературно-научнымъ приложеніемъ“ оказался настолько удачнымъ, что превзошелъ всякія ожиданія: не только разошлось все изданіе въ количествѣ пяти тысячъ экз. но осталось безъ удовлетворенія поступившихъ требованій болѣе, чѣмъ на полторы тысячи экз. Ободренное этимъ успѣхомъ, Братство

на будущій 1910 годъ

издаетъ 10 тыс. экз.

„Календаря“

по той же программѣ и въ томъ же объемѣ. Въ «Календарѣ», кромѣ общекалендарныхъ свѣдѣній (мѣсяцесловъ, почта, телеграфъ, жел. дороги и проч.), въ приложеніи будетъ помѣщенъ рядъ статей, замѣтокъ, рассказовъ, стихотвореній религіозно-нравственнаго и патриотическаго содержанія, распределенныхъ по отдѣламъ: 1) религіозно нравственный, 2) историческій, 3) народное образованіе, 4) медицина, 5) сельское хозяйство, 6) смѣсь. Въ цѣлихъ сдѣлать изданіе пригоднымъ и полезнымъ и для населенія епархій, сосѣднихъ съ Харьковской, — Екатеринославской, Курской и Воронежской, — въ немъ будутъ также помѣщены Адресъ-Календари г. Харькова, Екатеринослава, Воронежа и Курска съ указаніемъ адресовъ присутственныхъ мѣстъ и учрежденій, учебныхъ заведеній, лечебницъ, врачей и т. п. Способъ распространенія «Календаря» въ истекшемъ году былъ такой: Братство въ октябрѣ—ноябрѣ 1908 г. разослало по 100—200 экз. благоч. епархіи, прося ихъ распространить среди населенія черезъ приходскихъ священниковъ; въ случаѣ же если бы часть книжекъ остались непроданными, то возвратить ихъ Братству за его счетъ не позже 1 января. Такой же способъ будетъ примѣненъ и въ настоящемъ году: О.о. Благочинные Харьковской и другихъ епархій, а равно и другія благонадежныя лица, которыя пожелали бы оказать содѣйствіе Брат-

ству въ дѣлѣ распространенія его изданія, преслѣдующаго цѣль— бороться съ антирелигіозной и антигосударственной пропагандой, благоволятъ лишь сообщить въ Редакцію «Календаря» (Харьковъ, Пушкинская, 50), сколько и по какому адресу они желали бы получить книжекъ, и потребное количество будетъ имъ выслано въ октябрѣ или ноябрѣ сего года. При заказѣ денегъ можно не высылать, а расчетъ произвести по распродажѣ книжекъ.

Цѣна 20 коп. за экз. съ пересылкой,

при выпискѣ 10 экз. одиннадцатый прилагается бесплатно. Непроданные книжки возвращаются въ Редакцію не позже 1 января 1910 г.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ Календарь: за страницу 20 руб., $\frac{1}{2}$ страницы—12 руб., $\frac{1}{4}$ страницы—7 руб.

Зубной врачъ

Э. Г. Вассердамъ-Альтшуль.

Искусственные зубы. Лечение, пломбированіе и удаленіе зубовъ.

Пріемъ отъ 9 $\frac{1}{2}$ час. утра до 7 час. вечера.

Большая Дворянская, домъ Шуклина. (2-3)

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, какъ выразитель коренныхъ воззрѣній русскаго народа на важнѣйшіе предметы жизни.— *Ив. Козлова.*

† Игумень Иннокентій.— Священника *Ал. Кременецкаго.*
Библиографія. Русская интеллигенція и революція.— *И. Никольскаго.*
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ.*
